

попаданец
ПРОФЕСИОНАЛ

Виктор Тюрин

ПРОФЕСИОНАЛ

Виктор Иванович Тюрин

Профессионал

Серия «Попаданец (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63765441

*Виктор Тюрин. Профессионал: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134685-0*

Аннотация

Америка. Лос-Анджелес. 1949 год. Оперативник, работавший за рубежом, погибает и попадает в тело пятнадцатилетнего подростка. Так сложились обстоятельства, что с первых минут новой жизни герою придется в схватку с мафией. У китайцев есть такая поговорка: акула будет очень довольна, если весь мир превратится в океан. Если сравнить эту поговорку с криминальным миром Америки, то как-то само собой вышло, что местные акулы оказались не такими уж страшными хищниками, когда в их водах появилась русская акула.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	30
ГЛАВА 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Виктор Тюрин

Профессионал

© Виктор Тюрин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Попаданец»

Выпуск 100

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Благодаря сочетанию трех факторов: некоторые азиатские признаки во внешности (в нашем роду были китайцы), отец – директор охотхозяйства на Дальнем Востоке и мои спортивные достижения – после армии я оказался в спецшколе. Честно говоря, совсем туда не стремился, так уж получилось. Потом были семнадцать лет работы за границей и... смерть. Казалось, на этом можно закончить, как вдруг оказывается, что это не конец жизни одного человека. Думаете, что это какой-то хитрый оборот речи? Нет. Просто кто-то дал мне еще один шанс прожить новую жизнь в новом теле и другом времени.

ГЛАВА 1

За свою жизнь я испытал много оттенков боли, и эта, терзавшая сейчас мою черепную коробку, тянула на шесть баллов из десяти по моей личной шкале, но уже в следующее мгновение пришло понимание того, что я жив. Только успел это осознать, как почувствовал какое-то несоответствие. Мозг, несмотря на разламывающую левый висок боль, привычно произвел анализ и выдал результат: я не умирал, лежа на асфальте скоростного шоссе в одной азиатской стране, а почему-то лежал на полу закрытого помещения, причем относительно здоровый. Как такое может быть?! Открыл глаза. Комната. Спальня. Странного вида приемник, стоящий на тумбе. Ночник с матерчатым абажуром на прикроватной тумбочке.

«В стиле ретро», – мелькнула мысль и исчезла, так как слышались приближающиеся тяжелые шаги грузного человека. Я закрыл глаза чисто инстинктивно. Не доходя до меня, человек остановился, и сразу раздался тяжелый металлический стук.

«Он что-то тяжелое поставил на пол, – тут мой нос учуял резкий запах бензина. – Собирается меня сжечь?!»

Тело автоматически напряглось, готовое к схватке. Приоткрыв глаза, увидел странно одетого мужика, склонившегося над канистрой с бензином. В руке у него был пистолет с

глушителем. Следующей появилась мысль, что полученные мною тяжелые ранения что-то сдвинули в моих мозгах, иначе откуда здесь взяться полутемной спальне и мужику в дурацкой шляпе и в костюме в полоску. На удивление ушло пару секунд, после чего мозг заработал в привычном режиме, оценивая обстановку и степень опасности. Незнакомое мне лицо европейца. Странного пошива костюм. Шляпа. Пистолет с накрученным глушителем. Канистра. Вывод: меня собирались убить. Все это мозг автоматически обработал, сразу заострив внимание на оружии. Обезоружить. Завладеть. Убить.

В этот момент мужчина распрямился, скользнул по мне взглядом и замер, явно удивленный.

– Так ты еще жив, сучонок?! – он так это сказал, словно плюнул в меня.

Его реакция на меня была более чем странной, но мне сейчас было не до подобных рассуждений, так как на кону в который раз стояла жизнь. Мозг, не теряя ни секунды, принялся просчитывать варианты. Стоит от меня в двух шагах. В руке пистолет. В моем положении, лежа на полу, у меня нет ни малейшего шанса. Вот только мужик повел себя совсем непрофессионально. С идиотской ухмылкой он подошел ко мне, положил пистолет на стоящий рядом стул и принялся расстегивать ширинку. Сознание просто не могло не откликнуться на совершенно сумасшедшую ситуацию.

«Что здесь, черт подери, происходит?!»

– Знаешь, что я сейчас сделаю, крысеньш? Поссу на тебя, а потом... пущу тебе пулю в живот! – при этих словах на лице бандита появилась глумливая ухмылка. – Хотя нет! Я сделаю еще лучше! Я...

Договорить ему не дал чей-то грубый голос, донесшийся из соседней комнаты:

– Фрэнки, чего возишься! Нам надо уходить!

– Да сейчас! погоди! – буркнул мужик, все еще возясь с застежкой.

Тренированная психика подавила мои эмоции. Сотрудник моего профиля должен быть холоден и невозмутим, как сытый удав, в любой ситуации. При этом он должен четко и быстро реагировать на любую опасность. Это аксиома. Иначе просто не выжить.

Резкий удар по ноге заставил расслабившегося бандита отшатнуться и отступить на шаг, что дало мне время вскочить, схватить пистолет и нажать на спусковой крючок. Две пули, ударившие бандита в грудь, отбросили его к двери. Уже падая, он издал нечто похожее на хриплый вопль. На его крик последовала соответствующая реакция: сразу раздался торопливый топот чьих-то ботинок, а через секунду в проеме открытой двери показалась фигура еще одного бандита в костюмной паре, в шляпе и с пистолетом в руке.

– Фрэнк! Ты?.. – тут он увидел меня и замер в растерянности. Причем, похоже, я ошеломил его даже больше, чем лежащий у его ног, залитый кровью, хрипящий напарник.

Не раздумывая, я снова дважды нажал на спусковой крючок. Два громких хлопка глушителя слились в один в тот самый миг, когда второй головорез, придя в себя от неожиданности, вскидывал оружие. Бандит, завопивший от боли, еще заваливался в проеме двери, а я уже бросился к полуоткрытому окну, отбросил в сторону занавеску и прыгнул, сразу уйдя в пережат. Упал на мягкую землю, в цветы, которые заботливо выращивали хозяева этого дома. Не вставая, бросил взгляд вокруг, после чего замер. Стояла глубокая ночь. Окна рядом стоящих домов были темны. Ни звука. Даже собаки не лаяли. Инстинкт самосохранения сразу начал толкать меня в спину, при этом истошно вопя: «Беги! Беги!» – но я легко справился с ним, так как далеко не в первый раз попадаю в опасную ситуацию. Прислушался. Кругом было тихо, только слышны невнятные крики из глубины дома, да где-то на соседней улице проехала машина.

«Вперед!»

Подстегнув сам себя, я приподнялся, потом вскочил на ноги, при этом не поднимаясь в полный рост, кинулся бежать. На скорости обогнул подстриженный кустарник, одним махом перепрыгнул невысокий забор, пробежал мимо мусорных баков, после чего перебежал улицу.

Дикая ситуация не становилась более понятной по мере моего удаления от дома. Здания напоминали мне американский пригород большого города, вот только нигде не было тарелок спутникового телевидения, зато везде торчали столбы

с телефонными проводами. Резко сбавив скорость, оглянувшись, явной погони не было, а значит, решил я, незачем привлекать к себе излишнее внимание, поэтому перешел на быстрый шаг. В очередной раз обежал взглядом по сторонам. За мной сейчас следили только темные слепые окна коттеджей и звезды с черного небосвода. Вдруг неожиданно где-то рядом затявкала собака. Ее лай, словно выключатель, разом отключил боевые рефлексy, которые в очередной раз выручили меня из беды, оставив только настороженность, мою постоянную спутницу в работе и жизни. Меня начало слегка потряхивать, что опять же для меня было привычно в подобных ситуациях, только вместе с уходом адреналина пришла боль и усталость. Теперь я почувствовал даже солидную тяжесть пистолета, который все это время находился у меня в руке. Лунного света вполне хватило, чтобы рассмотреть оружие. Это был американский «Кольт» М1911. 45-й калибр. При моей работе мне нередко приходилось иметь дело с самым разным оружием, поэтому я хорошо знал эту модель. В голове у меня уже начала складываться фантастическая версия всего произошедшего со мной, но мне, как человеку практического склада ума, она совсем не нравилась, так же как детские, совсем не похожие на мои, руки, которые сейчас крутили пистолет. Засунув пистолет за пояс, я принялся изучать себя, после чего мне пришлось сделать печальный для себя вывод.

«Да я в теле парнишки, лет четырнадцати-пятнадцати...»

Мои судорожные попытки оспорить этот факт, в очередной раз наткнувшись на руки подростка, которые просто притягивали взгляд, сдались, после чего сознание выдало вердикт: что есть, то есть. В подкорку моего сознания еще со времен обучения в специальной школе вбивали, что если ситуация уже сложилась, то ее надо принимать такой, какая она есть, и не поддаваясь эмоциям, правильно расставлять приоритеты. Именно так сейчас и случилось. Эмоции схлынули, мысли обрели ясность, и я стал самим собой. Придя к подобному соглашению, мозг занялся анализом, сводя подробности и детали, которые успели запечатлеться в моей памяти, в одну логическую цепочку.

«Костюмы. Шляпы. Английский язык. Кольт. Нет спутниковых антенн. Хм. Головные уборы в Америке носили все поголовно, если я не ошибаюсь, в сороковых-шестидесятых годах прошлого столетия. Да и кольт... Стоп! – память мне услужливо подсказала запечатленную ею как бы второстепенную деталь. Приемник в комнате! Он очень похож на старый ламповый приемник! Если все так... то вдобавок ко всем чудесам я еще и во времени провалился. Только почему именно Америка? Ведь мой профиль Китай и Юго-Восточная Азия. Хотя, впрочем, в Америке мне тоже пришлось пожить. Вообще, все сложилось неплохо, хотя бы потому, что я жив! И мне предстоит долгая-долгая жизнь, а со всем остальным я как-нибудь разберусь. Моих специфических навыков вполне хватит, чтобы наладить себе приличное существова-

ние. Правда, для этого придется выяснить, что это за бандиты и чем им мог насолить мальчишка. Нет. Здесь, скорее всего, произошло убийство целой семьи, а значит...»

Додумать мне не дал громкий треск, раздавшийся за моей спиной. Резко обернувшись, я увидел ярко вспыхнувшее пламя, и сразу мне на память пришла канистра, которую принес бандит. Несмотря на то, что я уже прилично отдалился от места преступления, даже здесь были слышны крики испуганных людей, а уже спустя минуту к ним присоединился нарастающий звук сирены. Развернувшись, я быстро зашагал в противоположную сторону, стараясь как можно дальше оказаться от пожара, при этом прячась от света уличных фонарей. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь меня видел в таком состоянии, да еще с пистолетом за поясом, а шум во-круг горевшего дома уже поднял на ноги часть поселка. Спустя пару минут до моих ушей донесся пронзительный звук новой сирены. Трудности, которые обязательно возникнут, как ни странно это звучит, абсолютно меня не волновали, потому что вся моя бывшая работа была сплошным решением различных проблем. Меня также больше не интересовало мое прошлое. Оно ушло, осталось в будущем, как ни странно это звучит. Мне пришлось сыграть в той жизни множество ролей, поэтому я потерял собственное лицо. Теперь я здесь, это мое время, и я просто начну жить. Для себя. Определившись со своей позицией в этом мире, сразу подумал о роли подростка, которую мне придется играть.

«Будут определенные сложности, – решил я после короткого обдумывания проблемы, – а пока надо пройтись по основным позициям, от которых мне придется отталкиваться в первое время. Имя и фамилия. Это надо будет узнать. Дальше. Нападение на дом бандитов. Поджог. Что в остатке? Мальчишка остался жив, а у них два покойника. Если я иду по этому делу свидетелем, то меня будет разыскивать как полиция, так и эти головорезы. Вывод: надо бежать. И как можно дальше. Вот еще... Интересно, у парня есть родственники? Хотя какая, к черту, разница! М-м-м. Интересно, как местная полиция отнесется к двум трупам, оставшимся лежать в доме... Впрочем, не вариант. Скорее всего, бандиты забрали покойников с собой. Зачем им оставлять подсказку полиции? Следующее. Что делать с пистолетом? На нем два трупа, и это как минимум. Подумаем, а пока надо решить в срочном порядке, как привести себя в порядок и хоть немного поспать».

Окна зданий, мимо которых я шел, были темны, да и звуки, несущиеся со стороны горящего дома, здесь были еле слышны. Узкая улица неожиданно вывела меня на довольно широкий бульвар. Он был безлюден, окна домов тоже были темны, только горели фонари и кое-где светильники над входными дверями. Спальный район, одним словом. Бросил быстрый взгляд по сторонам и только тут увидел стоящие рядом с домами несколько легковых автомобилей. Они были широкими, с плавными разводами крыльев. Даже не бу-

дучи историком, нетрудно было понять, что обводы этих легковых автомобилей не соответствуют моему времени. Еще одно подтверждение моей версии в какой-то мере принесло мне легкое удовлетворение. Идя по тихой улице и глядя на сонные дома, я неожиданно, как-то резко, захотел спать. Мысли о сне плавно перетекли на номер в отеле. Мягкая кровать, а утром душ и плотный завтрак. Я даже усмехнулся своим мыслям: «Мечтать не вредно. Мечтай дальше, парень. Денег-то все равно нет».

Так оно и было. В карманах, которые я успел проверить раньше, помимо носового платка и перочинного ножа больше ничего не обнаружилось. Единственной ценной вещью в моем хозяйстве оставался пистолет, но от него мне надо было избавиться как можно быстрее. Торопливым шагом пересек перекресток, так, чтобы со стороны было видно, что паренек торопится домой, идя с позднего свидания. К этому времени я уже определился с направлением своего движения. Оставив с левой стороны город с его центром, небоскребами и яркой рекламой, я шел, стараясь как можно быстрее выбраться из пригорода, судя по всему, рассчитанного на средний класс. Мне приходилось жить в таких спальных районах – в меру чистенько и спокойно. Именно здесь меня начнут завтра искать, а значит, мне надо как можно быстрее исчезнуть из этого района и добраться до окраины города, где будет проще всего укрыться. Еще спустя пятнадцать минут стало понятно, что я пересек невидимую границу. Здесь

вместо отдельно стоящих особняков тянулись длинные дома-бараки из красного кирпича с тяжелыми решетками, закрывающими входные двери и витрины магазинчиков, находящихся на первом этаже. Здесь, кроме того, в отличие от спального района, погруженного в сон, несмотря на глубокую ночь, чувствовалась ночная жизнь. В доме, напротив которого я остановился, несмотря на позднее время, кое-где горел свет. Откуда-то с верхнего этажа были слышны пьяные голоса и смех. Я огляделся по сторонам. Судя по тому, что по левую от меня сторону была тишина и темнота, только слегка подсвеченная редкими фонарями, я определил ее как производственно-складскую зону, зато на правой стороне была видна разнообразная реклама, слышен шум автомобилей и невнятный человеческий гул. Судя по всему, место, куда я вышел, являлось своеобразным разделом между жилым и производственным районом окраины.

Стоя возле разбитого фонаря, рядом с закрытой решеткой витриной магазина, я пытался продумать свои следующие шаги. Пистолет можно было выбросить в ближайшую кучу мусора, после чего дойти до какого-нибудь бара, а потом, надавив на жалость к мальчику, которому хулиганы чуть не проломили голову, попросить умыться и поесть. Вот только такого мальчишку запомнят десятки людей, а затем наведут на мой след. Нет. Этот вариант мне не подходил. Тогда... В этот момент я услышал шум шагов нескольких человек. Быстро осмотрелся. Из прохода между магазином и домом

доносился приторно-сладкий запах сгнивших отходов. Приглядевшись, я увидел кучу мусора, основу которого составляли картонные и разбитые деревянные ящики.

«Но там, вполне возможно, тупик...»

Четверо молодых парней вывернули из-за угла магазина, отрезав мне отступление в жилой район. При виде темной фигуры они на какое-то время замерли, пытаясь понять, кто я такой и что делаю в темноте, а затем, ни слова не говоря, довольно профессионально стали охватывать полукольцом. Насколько можно было их разглядеть в полумраке, это были латиноамериканцы, а скорее всего, мексиканцы. До этого я стоял к ним боком, поэтому пистолет, торчащий за поясом, они не могли заметить. Судя по ломтику в руках одного из них, они здесь были не ради прогулки, и сейчас, когда парень, державший его, приподнял, это стало оружием. В руке другого тускло сверкнуло лезвие ножа.

– Доллар, кто это у нас тут? – ехидным голосом спросил один из парней.

Тот, у кого было денежное прозвище, ответил своему приятелю, издевательски подражая детскому голоску:

– Маленький мальчик. Он потерялся и...

В другой раз я бы с усмешкой отметил, что столько интересных встреч у меня произошло за одну ночь, но на данный момент появление молодежной банды вызвало у меня только прилив раздражения. Резко повернувшись к ним лицом, я одновременно выхватил из-за пояса пистолет. Только сей-

час они в свете луны толком рассмотрели покрытую засохшей кровью левую часть головы подростка. Ее потеки виднелись на лице и рубашке, и тем страшнее выглядел пистолет в его руке. Даже в свете луны я увидел, как на лицах парней проявился страх. Заметив их реакцию, сразу понял, чем это вызвано и что надо сделать. Изобразив зверскую гримасу, я громко зашипел:

– Кр-рови-и хочу-у-у!

Это стало последней каплей для ошеломленных и испуганных молодых бандитов, видимо, больших любителей фильмов ужасов. Живое воображение представило меня в глазах парней как какого-то кровавого монстра, дикий страх отключил мозги, оставив только инстинкт самосохранения. Больше не думая ни о чем, кроме того, чтобы убраться от этого ужаса подальше, парни бросились бежать со всех ног. Их реакция рассмешила меня, убрав раздражение, но усталость и желание спать никуда не делись. Развернувшись, я побрел в сторону производственной зоны, окончательно придя к мысли переночевать на каком-нибудь складе и заодно поглядывая по сторонам, ища место, где можно надежно спрятать пистолет. Вскоре пошли проволочные заборы, за которыми находились темные приземистые помещения – склады, вот только ни сторожей, ни собак при первом приближении не наблюдалось. Здесь тоже горели фонари, но их было мало, да и по большей части они освещали подъездные пути и ворота складских территорий. По дороге на-

ткнувшись на мусорные контейнеры, я решил, что это то самое место, где можно избавиться от пистолета. Найдя среди мусора тряпки, сначала тщательно вытер оружие, потом, завернув его в наиболее чистую ветошь, засунул в щель между стеной и мусорным ящиком, после чего пошел дальше, выглядывая место, где можно перелезть, как вдруг неожиданно почувствовал на себе чужой взгляд.

– Ты чего тут, парень, шляешься? – раздался мужской голос, и в следующую секунду меня осветил луч фонарика из-за забора. Охранник стоял по ту сторону ограды. Фонарик ослепил меня, поэтому я отвернулся, но охранник успел заметить мою разбитую голову и не замедлил спросить: – Кто тебя так отделал, паренек?

На подобный вопрос у меня уже был готовый ответ, который придумал, пока шел:

– Отец. Пришел сильно пьяный. Ну и...

Договаривать я не стал, сделав многозначительную паузу. Пусть додумывает сам.

– Знакомо. Что думаешь делать дальше?

– Домой не вернусь, – буркнул я, отыгрывая озлобленность подростка.

– Погоди! А мать?

– Нет у меня матери. Умерла, – я поник головой, изображая грусть.

– Угу, – охранник явно о чем-то задумался.

– Можно у вас умыться?

– Умыться-то можно, – протянул мужчина задумчиво, с сомнением в голосе, – вот только не положено чужих на территорию пускать.

– Тогда я пойду.

– Погоди.

Спустя полчаса, после того как привел себя в порядок, я сидел за столом в будке охранника и с жадностью ел бутерброд. Сторож оказался пожилым мужчиной с грубо вылепленным лицом, седыми висками и приличной лысиной. Начав меня расспрашивать, он наткнулся на мои односложные ответы, но не обиделся, а вместо этого переключился на рассказ о себе. Рассказывал о своей жизни, много и с подробностями, как и любой другой человек в подвыпившем состоянии, вот только для этого у него была веская причина. Ему сегодня исполнилось шестьдесят лет. Я вежливо поздравил его, что ему очень понравилось. Ему просто нужен был собеседник, а тут как раз я подвернулся. Умывание в прохладной воде меня немного взбодрило, только поэтому я выдержал его довольно пространную речь о тяжелой жизни честного человека. Узнал, что его зовут Джимми Бармет, что два года назад умерла его жена, а единственная дочь, жившая с мужем и двумя детьми в Аризоне, даже не приехала на ее похороны. Помимо некоторых подробностей жизни Бармета мне теперь было известно, что нахожусь я в Америке, в 1949 году. В городе Лос-Анджелес. Несмотря на интересную информацию, усталость взяла свое. Сторож, стоило ему это за-

метить, с трогательной заботой предложил мне свой топчан. Я заснул чуть ли не раньше, чем моя голова коснулась подушки. На улице было уже светло, когда Бармет разбудил меня. Невыспавшийся, я с трудом заставил себя встать и плеснуть холодной воды в лицо.

– Сейчас народ начнет собираться, парень. Нельзя, чтобы тебя здесь увидели.

Отчаянно зевая, я согласно кивнул головой.

– Держи вот пятьдесят центов и кепку.

Сначала я удивленно посмотрел на него, потом перевел взгляд на старенькую кепку, которую тот протянул мне. Впрочем, мое удивление длилось недолго, так как та оказалась на размер больше и почти съехала мне на уши, закрыв рану на голове. Поправив сползший на глаза козырек, я постарался вложить как можно больше уважения в голос:

– Сэр, даже не знаю, как смогу вас отблагодарить. Вы для меня так много сделали. Даже родной отец...

– Не надо, Майкл. Ты неплохой мальчишка. Просто, скажем так, тебе сейчас немного не повезло. Знаешь, как говорят: жизнь у человека состоит из белых и черных полос. Думаю, что твоя черная полоса скоро закончится. Я верю, что у тебя все еще наладится в жизни. М-м-м... Если хочешь, то можешь подождать меня в кафе «Мистер Пончик». Оно в десяти минутах отсюда. Иди прямо по улице. Я освобожусь минут через сорок.

– Да, сэр. Обязательно дождусь.

Кафе я нашел быстро. Только сидеть там не стал, чтобы не светить свою физиономию, а вместо этого, купив пончиков, нашел укромное место и, пережевывая вкусное пышное и прожаристое тесто, обильно посыпанное сахарной пудрой, приступил к обдумыванию полученной информации. Америка. 1949 год. Что мне известно об этом времени? Да по большому счету ничего!

«Мои навыки весьма специфичны, и я всегда найду себе работу, вот только мой облик никак не сочетается с моими талантами. К тому же мне придется сначала вращаться в эту жизнь. Хм. Придется над собой поработать».

Кем я был в прошлом? Оперативником. Чем занимался? Кое-что перевозил, кое-кого охранял, а кое-кого приходилось убивать. Где работал? Китай, Гонконг, Филиппины, США. Что умею? Входить в доверие, располагать к себе людей. Неплохо разбираюсь в человеческой психике, имею аналитический склад ума, владею методами детективного расследования. Умею хорошо водить машину, отлично стрелять и убивать голыми руками. Не хваля себя, скажу: я был хорошим и в меру инициативным сотрудником. Романтики во мне никогда не было, зато любовь к риску присутствовала в полной мере, сколько я себя знаю. Теперь внутри мальчишки сидит полностью состоявшийся мужчина, причем далеко не честный, местами циник, где-то параноик, а в какой-то части – хладнокровный убийца. В детстве и юности я был неплохим охотником благодаря отцу – директору охотничьего хо-

зайства – умел читать следы и бить пушного зверя в глаз. В более зрелом возрасте стал не менее опытным охотником за людьми и чужими секретами.

Всю мою сознательную жизнь меня учили хладнокровию, выдержке, терпению. В спецшколе говорили: проявляй искренний интерес, говори вежливо, смотри льстивыми глазами, играй на самолюбии врага, соперника, собеседника. Ты должен влезть ему в душу, учили меня, узнать сокровенные мысли, заставить человека поверить тебе, чтобы ты мог использовать это для блага своей родины.

По большому счету все зависит от самого человека, от его психологической и моральной закалки. Мне всегда трудно было сказать: нравится или не нравится мне эта работа. Единственное, что можно было сказать однозначно, я с ней сжился, хотя бы потому, что реально приносил пользу своей родине, вот только чтобы хорошо делать свою работу, чтобы достичь поставленной цели, все средства хороши. Где-то здесь проходит грань между благородным разведчиком и подлым шпионом. Вот только как ее уловить?

Потом было семнадцать лет тяжелой и опасной работы, где нередко приходилось ходить по лезвию ножа, но я был удачлив, нередко находя выход из самых опасных положений. Только не в тот день. Судя по всему, госпожа Удача тогда отвлеклась на какого-то другого счастливица.

Мы с напарником перевозили груз, видно очень ценный, если кто-то решил рискнуть и наложить на него свою ла-

пу. Маршрут просчитывался не раз, поэтому мы знали, что здесь, на трассе, время от времени выставлялся полицейский пост, но только это делалось в вечернее время, когда поток машин сильно возрастал. У меня на часах было шесть часов пятнадцать минут утра, когда из будки вышли двое полицейских и знаками потребовали от нас остановиться. Машин на дороге в этот час практически не было. Мозг по привычке стал анализировать выражение лиц, жесты, форму, оружие. Стоп! Оружие! Из открытой кобуры торчала рукоять дорогого пистолета модели Glock пятого поколения. У простого полицейского просто не может быть такого оружия! Моя интуиция взвыла не хуже пожарной сирены. Полицейские только разделились, начав обходить нашу машину с двух сторон, как я заорал: «Засада!!», одновременно выдергивая из-под цветастой рубашки навывпуск пистолет. Липовые полицейские только схватились за оружие, как в следующее мгновение двери полицейского поста резко распахнулись, выплунув наружу еще двух наемников, но уже в форме цвета хаки, с автоматами в руках. Все четверо нападавших явно были хорошими профессионалами, но пару секунд форы, которые подарила нам моя интуиция, стоили жизни двум фальшивым полицейским. В следующее мгновение загремели выстрелы. Если оба полицейских проиграли с нами дуэль, то автоматчики хорошо знали свое дело. Мой напарник был убит почти сразу, а я, несмотря на мою специальную подготовку, сумел прожить всего на пару минут дольше, успев вывалиться из

машины. Как бы ни была отточена моя реакция, но что-то сделать против двух автоматов, поливающих тебя свинцом, я ничего не мог. Только успел вскинуть руку в направлении одного из стрелков и нажать на спуск, как в следующую секунду грудь словно опалило огнем, глаза затянуло мутной пеленой, и мир в одно мгновение потерял реальные очертания.

Задумавшись о прошлом, я только в последний момент увидел подходившего сторожа.

«Что-то я совсем расслабился. Новая беззаботная жизнь, что ли, действует? Хм. Может и так», – ответил я сам себе.

– Чего задумался, парень?! Не вешай нос! – Бармет ободряюще улыбнулся. – Я знаю, все у тебя будет хорошо!

– Спасибо вам, сэр, за заботу.

– Да ладно. И не зови меня «сэр». Хорошо? Я простой рабочий человек, – дождавшись моего кивка головы, он продолжил: – Вот еще что. Я тут подумал... Ты можешь пока пожить у меня. Как на это смотришь?

– Не знаю даже, что и сказать. Вы так добры ко мне...

– Кончай, парень. Я же вижу, что тебе сейчас плохо. Поживешь у меня какое-то время, а за это время у тебя с отцом все наладится.

– Я согласен. Спасибо.

– Вот и отлично. Тогда пошли домой. Только сначала зайдем к врачу.

– Сэр, я себя хорошо...

– Не бойся. Дороти – хорошая женщина и ничего не сообщит полиции.

Дом, где жил Джим, был еще тем гадюшником. И это только своим видом. Потеки на стенах, отлетевшая штукатурка. Нет, в той жизни мне приходилось находить убежище в самых разных местах, среди которых были и такие, что по сравнению с ними этот дом вполне тянул на звание «Дом образцового содержания». Вот только нормальных, уютных мест в моей памяти было больше, именно поэтому я выдал такую оценку. С другой стороны, где еще мог жить ночной сторож? Но Бармет объяснил мне еще по дороге, что ему здорово повезло, так как его жилье находилось в получасе ходьбы от работы и не надо тратиться на транспорт.

Доротея оказалась добродушной и полной негритянкой, работавшей медсестрой в местной больнице. Обработав рану на голове, она быстро и умело сделала повязку, не забывая ругать извергов, которые так сильно избили бедного мальчика, но при этом не стала задавать ненужных вопросов, хотя, судя по любопытным взглядам, ей было интересно узнать подробности. На прощанье шлепнула меня по плечу и удовлетворенно заявила:

– Вот и все. Дня через четыре, малыш, придешь на перевязку. И больше постарайся не нарываться на неприятности. Идите, а то мне надо еще собраться и выспаться... – Увидев мой удивленный взгляд, пояснила: – Мне сегодня на дежурство, на сутки заступать.

Жилье Джима представляло собой «хрущевскую» однокомнатную квартиру, находившуюся почти в самом конце длинного коридора. Маленькая кухня. Совмещенный санузел и крохотная прихожая.

– Не волнуйся, парень, поместимся, – усмехнулся сторож, заметив, что я оглядываюсь по сторонам. – В кладовой у меня есть матрас и постельное белье. Как раз для такого случая. Чего смотришь? Когда-то у меня был приятель. Так мы с ним частенько пиво пили до полуночи, после чего он нередко оставался у меня ночевать. Вот только с год как его не стало. Сердце, будь оно неладно. Да не стой столбом, Майкл, присаживайся. Сейчас я разогрею нам мясо с тушеными овощами, а заодно мы подумаем, как тебе жить дальше.

Толком мы так ничего не решили, потому что после еды хозяина квартиры разморило, и он улегся спать, а у меня опять появилось время подумать над моей дальнейшей жизнью. Я уже успел рассмотреть себя в небольшом зеркале, висевшем в прихожей, поэтому представлял свою внешность. Довольно симпатичный мальчишка, четырнадцати-пятнадцати лет, крепкого, спортивного телосложения. Снова подошел к зеркалу. Было довольно странно смотреть на самого себя в образе подростка с чужим лицом. Отошел, сел за стол. Операция «Внедрение» прошла успешно. Поставленную задачу я выполнил в кратчайшие сроки: обрел временное жилье и прошел частичную адаптацию в новом для меня мире. Теперь надо было решать вопрос с деньгами. Плюс мои на-

выки. С этим набором я мог исчезнуть, раствориться в этом мире, да так, что меня никто до скончания века не найдет.

«Ладно, об этом через несколько дней подумаю, когда информации больше накоплю. 1949 год. Интересно, как сейчас там, в России? Впрочем, чего гадать. Разруха, продовольственные карточки и усатый вождь мирового пролетариата. Не хрен мне там делать. Дед еще сидит за колючкой. Его, дай бог памяти... в пятьдесят первом году выпустили, а после смерти Сталина реабилитировали. Только толку от этого! Столько лет... Да и черт с ними! Мне теперь не там, а здесь жить!» Затем какое-то время пытался хоть что-то вспомнить, но за исключением войн в Корее и Вьетнаме, а также даты убийства американского президента Джона Кеннеди, в голову ничего не пришло. Меня всегда мало интересовала история, да и моя работа, связанная с постоянными командировками и переездами, мало способствовала вдумчивому изучению этого предмета. Из точных наук мне ближе всего была анатомия тела человека, знание болевых точек, а как своеобразное приложение – нетрадиционная восточная медицина. Да, я знал про микроволновую печь, про кондиционер, про пиво в жестяных банках, про запуск спутника в космос, про компьютер, но что я мог сделать, не владея технической стороной вопроса.

Оставалось только знание языков. Я отлично говорил на английском и китайском языках, причем знал пару разных диалектов. Немного, в пределах спецкурса, знал немецкий

язык. Обдумав это хорошенько, я все же решил, что ничего из этого не поможет мне заработать прямо сейчас денег. На данный момент пока было одно предложение. В разговоре Джим обмолвился, что его приятель как раз ищет парнишку для постоянной работы, если только никого не нашел за прошедшую неделю.

«Теперь попробуем разобраться с парнем, в чьем теле я нахожусь. Начнем с пожара. Там была куча людей, пожарные, полиция, врачи и журналисты. В таком случае есть шанс, что в вечерних новостях появится заметка. Да и полиция должна дать объявление о розыске мальчишки. Дадут приметы и все такое прочее. Три-пять дней, а потом кто-нибудь да меня узнает. Изменить внешность не могу, как и сбежать. Нужны деньги. К тому же меня уже должны искать бандиты. Как-никак я свидетель, да еще положил двух их людей. Думаю, что пару дней у меня есть в запасе».

После того как Джим проснулся, мы с ним пообедали остатками мяса с овощами, после чего он стал собираться идти к владельцу газетного киоска. Я был готов идти, как он неожиданно сказал:

– Посиди пока дома, Майкл. Вид у тебя какой-то бледный, нездоровый. Да и рубашка требует капитальной стирки, поэтому сделаем так: я сам схожу и договорюсь с Фредди. Если мы с ним все решим, то пойдем к нему завтра, с раннего утра. И еще. Мне надо зайти в магазин за продуктами, так что буду нескоро.

Сидеть просто так было скучно, включил радио, но там шла какая-то радиопостановка, выключил, зевнул и решил немного поспать. Разбудил меня уже Джим. С ходу сказал, что обо всем договорился с приятелем, и завтра мы пойдем устраиваться на работу. Весь оставшийся вечер я слушал историю жизни простого американца, который всю жизнь честно трудился, но в итоге так и не смог даже заработать себе на старость. Оказалось, что до Великой депрессии они с женой держали ресторанчик и сами готовили блюда.

– Когда этот проклятый день наступил, мы потеряли всё! Я всю жизнь трудился, Майкл. Чужого цента сроду не брал. Вот только в нашей стране честный человек не может быть богатым, парень! Кто у нас богачи? Продажные политики, гангстеры и кинозвезды! Кто владеет заводами и фабриками? Воры! Все они – политики, полиция, газеты – куплены и проданы не по одному разу! Все они продажные сволочи!

Ему явно нужно было выговориться, поэтому я делал вид, что внимательно его слушаю, когда нужно поддакивал, временами задавал вопросы. Так продолжалось до того времени, пока по радио диктор не объявил, что переходит к спортивным новостям. Джим сразу умолк, прибавил громкости и стал внимательно слушать диктора. Непроизвольно шепча или кивая головой, Бармет с головой погрузился в мир спорта, забыв о своих проблемах, обо мне, обо всем на свете. В отношении хозяина квартиры я уже сделал свой вывод: неудачник. Когда кризис заставил свернуть его дело, он не

нашел в себе сил начать все с начала и покатился под откос. Вот только большинство таких людей озлобляется, а Джим сохранил в себе доброту и любовь к людям. Мне больше не хотелось слышать о трудностях жизни, поэтому я быстро разложил матрас, постелил белье и улегся. Потянувшись, невольно подумал: «Все-таки хорошо быть живым и здоровым».

С этой мыслью я уснул.

ГЛАВА 2

На следующее утро вместе с Джимом я направился к будущему месту работы. Пока шел, всё крутил по сторонам головой. Интересовало все: люди, автомобили, реклама. Америка конца сороковых годов выглядела непривычно для меня, но не более того, так как в свое время меня изрядно помотало по миру, и я сейчас отнесся к переносу во времени как к очередной командировке. Да, было необычно видеть мужчин, поголовно носящих шляпы и кепки, женщин в смешных шляпках и непривычных глазу юбках, излишне пафосную, на мой взгляд, рекламу и непривычные формы автомобилей. Все это пройдет со временем. У меня такое уже бывало не раз в каждой новой стране, где мне приходилось бывать. Добравшись до места работы, я оценил выгодность расположения магазинчика, торгующего газетами и журналами. Располагаясь на перекрестке двух торговых улиц, точка оказалась довольно бойким местом. Кругом были магазины, рестораны, бары. Газетчик был одних лет с Барметом. В остальном они были совершенно разные. Если Джим был худым и жилистым мужчиной, то его приятель был небольшого роста, с приличным пивным животиком и словно приклеенной улыбкой на лице.

– Доброе утро, Джим. Ну что, привел? Вижу-вижу! Крепкий парнишка! А что у него с головой? Ты про это вчера ни-

чего не сказал.

– Привет, Фред. Мальчишки они такие! Бежал, оступись да и рассадил голову. Ты что не знаешь, как бывает по молодости лет.

– Уже забыл. Как-никак шестьдесят три года через полтора месяца стукнет. Ладно, оставляй парня. Тебя как зовут?

– Майкл, сэр.

– Ты, паренек, тут осмотришь пока, а я в это время с Джимом поболтаю, – газетчик повернулся к своему приятелю. – Слушай, как тебе результаты матча...

Пока мужчины, перебивая друг друга, спорили о подачах и пропущенных мячах, я стал просматривать глазами заголовки статей в газетах, выложенных на прилавке.

В них не было ни слова о пожаре и убийствах. Может, где-то на последней полосе? Пробежался по датам. Точно! Здесь были выложены вчерашние газеты, а значит, нужно подождать сегодняшнюю прессу. Тут я неожиданно уловил слово «пожар», произнесенное моим работодателем.

– Джим, ты про вчерашний пожар слышал?! Говорят, полыхало так, что зарево на полнеба было!

– Я же тебе уже говорил, что вчера дежурил. А где горело?

– Да дом в спальном районе. Недалеко от нас. Говорят, поджог. Бензином за милю воняло.

– Из-за страховки, что ли, подожгли?

– Нет. Один человек мне сказал, что там было жуткое убийство.

– А ты откуда знаешь? Хотя нет! Не говори! Сам догадаюсь! Келли Магнус приходил!

– Точно. Он в ту ночь в патруле был.

– Уличная шпана, небось?!

– Он сам толком не знает, но убить целую семью... Извини меня, на такое пойдет не каждый. Я тебе вот что скажу...

Заинтересовавший меня разговор прервался приветственным криком развозчика свежей корреспонденции. Перетаскав связанные в тюки газеты и журналы, еще пахнущие типографской краской, я принялся за сортировку прессы под чутким руководством Фреда, а Джим тем временем, попросившись с продавцом газет, ушел. На время, пока мы работали в поте лица, хозяин повесил табличку «Не стучать. Прием прессы». Время – деньги. Руки газетчика так и мелькали, привычно раскладывая газеты, журналы, комиксы и книжки в бумажных обложках по прилавку. Торговая улица начала оживать, и людям нужны были свежие новости к стаканчику с кофе или легкому завтраку. Закончив раскладывать, Фред снял табличку и принялся обслуживать покупателей, одновременно обсуждая с ними новости последних суток. В отличие от Бармета, он читал в газетах не только спортивные новости, поэтому неплохо разбирался в политических и финансовых проблемах, что и демонстрировал своим покупателям, при этом обладал хорошим литературным языком и чувством юмора. Клиентов было много, но для каждого Фред находил острое словцо или интересную

новость. Он легко перескакивал с обсуждения международных новостей на криминальную хронику. Я тем временем закончил раскладывать отдельные экземпляры газет и журналов на раскладном стенде у входа, после чего сел рядом с входом на складной стульчик, наблюдая за посетителями. Когда наплыв утренних покупателей схлынул, Фред дал мне тридцать центов и отправил в ближайший ресторанчик за бутербродами и кофе. Затем мы разложили специализированные журналы и газеты, которые заказывали постоянные клиенты, после чего я сложил их в сумку, как у почтальона, и отправился разносить корреспонденцию по адресам. Вернувшись и отчитавшись перед хозяином о проделанной работе, я отдал деньги, после чего был отпущен им до вечера. За то время, пока хозяин работал с клиентами, я успел просмотреть несколько газет и, к своему большому удивлению, ничего не нашел, за исключением двух коротких заметок в криминальной хронике о гибели семьи на пожаре. Американские журналисты всегда были шустрými и ловкими ребятами, которые влезут в любую задницу, причем без мыла, а тут такая кровавая драма развернулась, а в итоге две блеклые заметки. Это мне совсем не понравилось.

Идти мне было некуда, а болтаться по улицам просто так не хотел, поэтому я решил убить время стандартным способом: купив себе пару бутербродов и бутылку фруктовой воды, я пошел в кино, благо получил от Бармета тридцать центов. Мысль о кино пришла мне тогда, когда разносил корре-

спонденцию и наткнулся на кинотеатр. Убив таким образом несколько часов, я снова отправился на свое новое рабочее место. Пришел я раньше того времени, которое мне было назначено, и снова сел на складной стульчик в углу. Фред обозначил мое прибытие коротким кивком головы, продолжил разговаривать с клиентом. Они обсуждали политику США, а заодно перемывали косточки нынешнему президенту, Гарри Трумэну.

Вечером работы было намного меньше. Мы не спеша приняли немногочисленную вечернюю почту, потом разложили ее, затем я убрал пару опустевших стендов с улицы в лавку, после чего хозяин газетного киоска отпустил меня, дав мне за работу пятьдесят центов. Я отправился домой, думая о том, что перед тем как уехать из города, было бы неплохо напоследок походить в океане, но при этом мозг автоматически отслеживал фигуры, лица, жесты, которые можно было отнести к подозрительным или опасным факторам. Вдруг моей сторожевой системе в фигуре идущего за мной мужчины что-то показалось подозрительным, и я резко остановился у витрины оружейного магазина, как бы невзначай бросил взгляд в ту сторону, откуда он шел. Он прошел мимо меня, даже не повернув головы. Быстрым взглядом, искоса, я пробежался по его фигуре. Оружия у него не было. Всегда, первым делом, я так зрительно проверял любого человека, который хоть чем-то вызывал у меня подозрение. Неважно, кто он был: мужчина, женщина, подросток или старик.

«Вроде чисто».

Привычка отслеживать потенциальных преследователей, путать следы и постоянная настороженность – это были необходимые атрибуты моей прежней работы. Влившись в толпу людей, я только двинулся дальше прогулочной походкой, как меня неожиданно окликнули:

– Эй, ты! Раненный в голову! Чего шляешься по нашей улице?!

Остановившись, обернулся на голос. В узком проулке между домами стояло четверо мальчишек. Все они были примерно моего возраста. Быстро прикинул, что от них можно ожидать.

«Взгляды злые, видно, настроились уже на драку, а значит, мирных переговоров не получится. Жаль, но попробовать все же надо».

– Иду и иду, вам-то что? Слушайте, парни, мне не нужны неприятности, поэтому давайте разойдемся мирно.

– Слышь, Колин, этот придурок как в кино говорит, – обратился крепкий телом подросток к другому парню, очевидно, главарю. – «Мне не нужны неприятности!..» Скажи сразу, засранец, что зассал!

– Зря ты так сказал, – спокойно ответил я на наглые оскорбления подростка и уже был готов преподать ему урок, как вдруг вспомнил, что я такой же, как и они, мальчишка, значит, надо вести себя соответственно возрасту. – Надеюсь, мы один на один будем драться, или вы как девчонки на ме-

ня всей толпой кинетесь?

Главарь, крепко сколоченный парень с короткой стрижкой, зло усмехнулся:

– Один на один. Тебе, ушибленный в голову придурок, одного Кабана за глаза хватит. Он тебя отделает...

– Хватит трепаться, – оборвал я его. – Раньше начнем – раньше закончим. Только, парни, давайте подальше отойдем.

Мне не хотелось, чтобы кто-то из взрослых увидел мои необычные способности. Зайдя в глубь тупика, подростки перекрыли мне выход, после чего Кабан кинулся на меня с кулаками, а спустя минуту уже катался по земле и стонал от боли. Главарь, кипя от злости и обиды, не выдержал и следующим кинулся на меня с кулаками, после чего улегся на пару, вместе с приятелем. Двое других мальчишек теперь уже с растерянностью и страхом смотрели на меня.

– Кто-то еще хочет подраться? Говорите сразу, а то я домой тороплюсь.

Оба, ничего не говоря, торопливо отошли к стене, открывая мне дорогу и тем самым признавая свое поражение. Выйдя из тупика, я пошел дальше, но теперь мысли изменили направление, и я занялся подсчетами, прикидывая цены, и в конце концов, пришел к выводу, что для того чтобы уехать отсюда и прожить первое время, мне понадобится как минимум четыреста-пятьсот долларов. Тут был еще один нюанс, который требовалось учесть. Если я уеду куда-нибудь,

а там мне может понадобиться подтверждение моей личности. Под чьей фамилией жить дальше? Лучше, конечно, было бы жить под своей фамилией, так как я прекрасно понимал важность подлинной биографии, которую власти могут легко проверить. Так и не придя ни к какому выводу, решил отложить решение этого вопроса на будущее.

Вернувшись на квартиру Джима, я рассказал ему, как прошел мой день. По лицу пожилого человека было видно, что ему действительно интересно то, что я рассказываю.

– Сейчас будем ужинать, – хозяин квартиры встал, но, чуть поколебавшись, снова сел. Лицо его стало хмурым и серьезным. – Тут вот какое дело, Майкл. Мне тут Фил, сосед с третьего этажа, рассказал, что на улицах появились копы в форме и штатском, которые ищут подростка четырнадцати-пятнадцати лет. Имя – Майкл. Они не просто спрашивают, но и раздают листовки с его портретом. Ты мне ничего не хочешь рассказать?

«О как! Ведь только сутки прошли. И еще одна странность. Я ведь случайно выбрал себе имя».

– Я в жизни ничего плохого не сделал, сэр, – сказал я, при этом глядя в глаза Бармету честными глазами ребенка.

– Эх, парень. Жизнь я прожил долгую, людей разных повидал и думаю, что вряд ли обознался. Думаю, что ты честный и хороший человек, Майкл. Кстати, Фил еще мне сказал, что мальчишку ищут, потому что он пропал, а не сделал что-то плохое, – какое-то время он молчал, ожидая от меня

ответа, а, не дождавшись, продолжил: – Только это не самое плохое, парень. За его местонахождение копы обещают награду. Пятьсот долларов.

– Вы меня им отдадите? – Именно так должен был спросить испуганный подросток в моем понимании.

– Нет. Даже мысли такой нет, Майкл. Живи у меня, сколько хочешь, вот только ведь люди разные бывают. Есть такие, что ради денег мать продадут, а уж тебя и подавно сдадут полиции. Тот же Фил. Этот алкоголик за пять долларов мать продаст.

– Не волнуйтесь, сэр. Завтра утром я уйду. Большое вам спасибо...

– погоди. погоди. Не торопись. Это, конечно, не мое дело, но может быть так, что это твой отец подал в розыск?

– Нет. Тут другое... – я замялся, не зная, рассказать часть правды этому человеку или нет, но потом решился, так как видел, что Джиму действительно небезразлична моя судьба. – Я связан с тем пожаром. Вот только что-то случилось с моей памятью. Даже пожара не помню, пришел в себя уже бегущим по улице. Еще в голове остались только какие-то обрывки из прежней жизни. Вспомнил свое имя, а фамилии не помню.

– Вот оно как с тобой случилось. Действительно, беда, – в глазах у ночного сторожа появилась искренняя жалость. – Дай бог, чтобы твоя память вернулась. Теперь я понимаю, почему ты тогда на складе отмалчивался. Что ты сразу мне

не сказал? Мы бы с тобой сразу в больницу пошли.

– Боялся. И сейчас боюсь, – при этом я постарался придать себе испуганный вид.

– Все будет хорошо, Майкл, а теперь дай мне подумать, – хозяин квартиры закрыл глаза и несколько минут так сидел, потом открыл и сказал: – Сделаем так. Ты завтра идешь к Фредерику, днем посидишь в кино или еще где, деньги я дам. Вернешься как можно позже, а я за завтрашний день постараюсь кое-что разузнать про тебя. На этом все, парень. Ешь и ложись спать.

Утро я отработал как обычно, в ускоренном темпе, а днем, чтобы не болтаться попусту, по совету Джима сходил в кино. Посмотрел два фильма подряд «Дик Трейси» и «Дом Дракулы». На ужастике даже придремал немного.

Никогда не любил гадать и все время старался делать выводы, исходя из подробного анализа собранных мною фактов и деталей. Именно поэтому, когда я вернулся на квартиру и увидел сидящего за столом, вместе с Джимом, чужого человека, пытался подметить черты и детали незнакомца. Восточный разрез глаз говорил, что у него в родне были китайцы. Костюм, бежевая рубашка. Одежда явно богаче, чем у Бармета. Кажется, что мужчина просто сидит, а в теле чувствуется напряжение. Не полиция. В нем не было властности, которая просто прет наружу у американских копов. Бандит? Оружия под пиджаком нет. И при этом он явно не рядовой гражданин. Журналист?

«Эх, Джим! Старый ты простофиля! Привел-то его сюда зачем?!»

– Здравствуйте, – я вошел в комнату и остановился, прикидывая варианты для бегства или нападения, в зависимости от того, как будет складываться ситуация.

– Майкл, познакомься. Это сын моего покойного друга. Он частный детектив. Зовут его Гарри Синг.

Теперь я более внимательно его оглядел. Американец китайского происхождения. Долговязый, худой, но при этом крепкий и жилистый мужчина. Лет тридцати пяти. Внимательный и цепкий взгляд. Ранняя седина на висках.

– Не напрягайся, парень, – скупой улыбнулся детектив, заметив мой настороженный взгляд. – Я знаю Джима с детских лет, так что можешь доверять мне. Все, что ты скажешь, останется внутри меня. Так как, разговор у нас состоится?

«Частный детектив. Хм. Пусть не бандит, но откровенничать я с тобой не собираюсь, а уж тем более верить, что бы ты там ни говорил».

Такое понятие, как «вера к человеку», у меня давно отмерло в силу профессиональной ненадобности. К тому же ситуация, в которой я сейчас оказался, сильно напомнила мою прежнюю работу, когда за тобой охотятся, чтобы поймать и выпотрошить. В той жизни. И, похоже, это снова повторяется в моей новой жизни.

– Честно говоря, мне больше нечего добавить, если Джим все вам рассказал.

– Пусть так, Майкл. Тогда я расскажу, что мне удалось узнать. После разговора с Джимом я позвонил одному знакомому журналисту, и тот мне под большим секретом рассказал кое-какие подробности, которые им запретили освещать в прессе. Он же мне сказал, что на пожар вместе с полицейскими приехали ребята из ФБР, а это может означать только одно, твоя семья числится по их ведомству. Это первое. С такой жестокостью, с какой бандиты расправились с несчастной семьей, а затем сожгли дом, могут действовать только люди Микки Коэна. Он, если ты не знаешь, некоронованный король преступного мира этого города. Правда, есть еще Джек Драгна, но тот слабоват в коленях, поэтому я не думаю, что это он мог подобное совершить. Это второе. В доме, где был пожар, жила семья по фамилии Швертинг. Муж, жена, сын и две дочери...

Плакать по заказу я не умел, поэтому сделал что мог, придал своему лицу тревожно-взволнованное выражение.

– Их сына звали Майкл. Отец семейства работал в банке на хорошей должности, а мать была домохозяйкой.

Я запоминал сказанное, делая упор на фактах и фамилиях, чтобы потом разобраться «кто есть кто» в этом городе, а когда детектив закончил говорить, скривил лицо в жалобной гримасе, показывая этим, как сильно взволнован. Впрочем, мое внутреннее волнение было не показным. Хоть до этого мне не приходилось иметь дела с мафией, зато с китайской триадой был знаком не понаслышке, а эти две преступные

организации, получившие мировую известность, как известно, два сапога – пара. Продолжая играть роль подавленного и испуганного мальчишки, я с трудом выдавил из себя:

– С моей памятью что-то не так, я ведь даже не помню лиц своих родных. Не помню, как их зовут!

– Крепись, Майкл, – решил подбодрить меня простодушный Джим. – Мне кажется, что сейчас так даже лучше для тебя. Меньше страданий. А память, дай бог, к тебе когда-нибудь вернется.

Какое-то время мы молчали, потом детектив сказал:

– Не хотел говорить, но судя по тому, как ты держишься, парень, думаю лучше, чтобы ты это знал. Кроме полиции тебя ищут гангстеры, и если я все правильно услышал, то они решили, как и полиция, назначить за тебя цену – две тысячи монет. Поэтому скажу сразу: здесь они тебя скоро найдут. Очень скоро.

– А если я уеду? Далеко уеду!

– Может быть, ты где-то спрячешься, но только на какое-то время. Потом тебя обязательно найдут, так как, судя по всему, ты важный свидетель. Ты, по своей молодости, просто сейчас не можешь этого понять, но поверь, жить, постоянно оглядываясь за спину, это самая настоящая пытка. Но если ты решишь бежать – беги прямо сейчас.

– Может, вы можете что-то посоветовать, сэр? – с надеждой спросил я, глядя на детектива честными и испуганными глазами.

– Могу. Вот только, насколько это будет правильно, я не знаю. Можно пойти к федералам и сделать то, что они попросят. В этом случае они возьмут тебя в программу по защите свидетелей. Ты получишь временную защиту, документы, а потом после слушаний или суда тебя отдадут в какую-нибудь семью. Будешь жить в другом городе, в другом штате, под чужой фамилией. Вот только в этом случае о тебе станет известно куче людей, которые будут придумывать тебе биографию, оформлять документы, и кое-кто из них может соблазниться на деньги мафии.

Я снова сделал взволнованное лицо и быстро спросил:

– Так что мне теперь делать?!

– Честно говоря, даже не знаю, что посоветовать, – ответил Синг. – Нужно собрать больше сведений, а для этого необходимо время.

– Гарри, парня нужно спрятать. Не сегодня-завтра его отыщут у меня. Ты можешь приютить его у себя на время?

Детектив задумался на какое-то время, а потом сказал:

– Пока я буду узнавать о Майкле, меня могут заподозрить и выследить, но зато я знаю, где его точно никто не будет искать. В китайском квартале. У меня там есть хорошие знакомые.

Я вопросительно посмотрел на Джима. Тот не то чтобы обрадовался этим словам, но возражать не стал:

– Может, ты и прав, Гарри.

– Китайский квартал? Это же недалеко от газетного киос-

ка мистера Фредерика? – спросил я, за время прогулок уже немного изучивший район своей временной работы.

– Да. Там, – подтвердил детектив. – Сейчас уже поздно, а завтра с самого утра мы можем пойти к моему знакомому. Несколько дней поживешь там, а к тому времени, может, что-нибудь и прояснится. Согласен, парень?

Всем своим видом я изобразил крайнюю растерянность и сомнение, что поступаю правильно, а сам тем временем прокачивал только что полученную информацию.

«Китайский квартал очень неплохое место, чтобы спрятаться от мафии. Туда они сунутся в последнюю очередь, так же как полиция и ФБР. Вот только круг людей, знающих меня, существенно расширится. Ситуация... Надо рискнуть!»

Как только я определился, то сразу кивнул головой, давая свое согласие.

– Только как мне быть с работой?

– Хм. Думаю, что будет лучше, если ты несколько дней просто посидишь дома, у моих знакомых.

– Да! Так будет лучше, Майкл. С Фредом я сам поговорю. И деньги дам, – несколько суетливо и взволнованно влез в разговор Джим.

– Нет, сэр. Я сам поговорю с мистером Фредериком. Скажу, что у меня появились сильные головные боли и врач мне посоветовал какое-то время побыть дома.

– У тебя хорошо варит голова, парень, – похвалил меня частный детектив.

Утром, после разговора с Фредом, который искренне пожалел, что лишился такого хорошего и исполнительного работника, как я, мы с Гарри отправились в китайский квартал.

Подобный тип общины мне был хорошо знаком по моей прежней работе, представляя собой отдельный азиатский ареал в этом районе. Как и все восточные общины, расположенные в европейских и американских городах, был замкнут сам на себе. Китайцы, вьетнамцы, индонезийцы ели в своих ресторанах, покупали товары в своих лавках, стриглись у своих парикмахеров, создавали семьи, по большей части со своими земляками.

Старый китаец, которому меня представил Гарри Синг, был сухопарым, довольно старым мужчиной, с густой седой в волосах. Можно было подумать, глядя на его морщины, что это китаец-старичок на пенсии, если бы не пристальный и холодный взгляд хищника, но уже в следующее мгновение на его лице появилась улыбка, чуть собрав морщинки возле глаз, и передо мной сразу предстал ласковый дедушка, который был бесконечно рад моему появлению. Вообще-то у меня сразу появились соображения насчет его персоны, когда я заметил знаки особого уважения, которые детектив оказывал старому китайцу, но пока еще рано было делать выводы.

– Здравствуй, мальчик. Я уже знаю, что тебя зовут Майкл. Меня внуки зовут дедушка Ли, но я не твой дедушка.

Я взял паузу, делая вид, что соображаю, а потом выпалил:

– Я вас понял, сэр.

– Вот и хорошо. Зови меня мистер Вонг, мальчик.

– Гарри, – он обратился к Сингу, – ты можешь идти.

Когда за детективом закрылась дверь, старик присел в плетеное кресло, стоящее у низенького черного резного столика, отделанного перламутром, после чего жестом предложил мне сесть. На столике лежал серебряный колокольчик.

– Ты не хочешь рассказать о себе, мальчик? Не бойся, твоя тайна будет навсегда сохранена в глубине моего сердца. Почему я спросил тебя об этом? Да потому что мне так легче будет тебе помочь в твоей беде, – голос китайца был настолько липкий и сладкий, что, будучи материальным веществом, шел бы наравне с медом.

«Китаец, вижу, в теме. При этом ему, похоже, от меня надо то, что нужно гангстерам и ФБР. Хм. Мафия с триадой никогда не ладили, но и до открытой войны не доводили. Так, мелкие стычки. ФБР? Не думаю. Ладно, поиграем».

– Мистер Вонг, я не знаю, как правильно сказать, но у меня совсем плохо с головой. Когда я пытаюсь хоть что-то вспомнить из своей жизни, она начинает сильно болеть. А помню себя только с того момента, когда весь окровавленный бежал по улице.

– И все?

Я кивнул головой.

– А у врача был?

– Нет, мистер Вонг. Голову мне перевязала медсестра,

знакомая Джима.

– Хорошо. Ты устал, мальчик. Много волновался, но теперь ты можешь успокоиться и ничего не бояться. Сегодня или завтра тебя осмотрит доктор.

Старый китаец взял со столика серебряный колокольчик и позвонил. Переливчатый звон разлился по комнате, а спустя несколько секунд в комнату вошла молоденькая китаянка. Склонила голову и застыла в ожидании приказа. Даже не повернув головы в ее сторону, старик коротко сказал:

– Проводи мальчика.

Китаянка вывела меня на улицу, и мы несколько минут шли до дома, в котором весь первый этаж занимал магазин. Поднялись на второй этаж. Девушка открыла дверь одной из комнат. Только мы вошли, как она на ломаном английском языке сразу предупредила меня, чтобы я ни в коем случае не подходил днем к окну.

– Сиди тут. Лежи. Радио слушай. Еду принесут, – с этими словами она ушла.

Прошло совсем немного времени, и пришел мальчишка, младше меня на пару-тройку лет, очевидно, один из многочисленных родственников Вонга, по имени Чан. Довольно жизнерадостный паренек, бойко говоривший по-английски. Сначала он принес мне кипу потрепанных комиксов, а потом с разрывом в шесть часов – обед и ужин. Большую часть времени я провел лежа на узкой кровати, время от времени обводя взглядом комнату. Стол, стул и старенький при-

емник. Окно комнаты выходило на улицу, а внизу находился магазин. Над его входом был натянут на каркасе матерчатый тент, закрывавший его от палящего солнца. Лежа на кровати или сидя за столом, я невольно прислушивался к голосам китайцев, доносившимся с улицы. В большинстве своем они принадлежали женщинам – покупательницам магазина. Хотя сейчас у меня появилось время все хорошенько обдумать, строить версии я не торопился, так как было слишком мало исходной информации, к тому же она поступила из непроверенных источников. Вечером послушал по приемнику радиопостановку с детективным сюжетом, затем десятичасовые новости и лег спать. Проснулся, как и планировал, в три часа ночи. Мой внутренний будильник меня никогда не подводил. Встал, подошел к окну, раздвинул легкие занавески. Китайские рестораны и кафе закрывались в районе часа ночи, после чего на улице воцарялась тишина. Быстро пробежал глазами вокруг и уже потом внимательно отследил все окна дома напротив. Не заметив ничего подозрительного, перегнулся через подоконник, бросил взгляд по обе стороны улицы. Убедившись в отсутствии людей, осторожно перелез и, крепко держась за подоконник, попробовал прочность крепления тента. Ноги ощутили под собой трубчатый каркас. Отлично! Скользнуть по тенту, свеситься, а там высота три метра, так что спрыгнуть отсюда не составляет особой проблемы. Определив для себя путь отхода, сразу подумал: «В принципе, при определенной ловкости, можно

будет таким же путем забраться сюда».

С этой мыслью подтянулся и снова залез в окно. Какое-то время наблюдал за улицей, пока не потянуло в сон.

Утром пришла девушка, которая определила меня на ночлег, и привела с собой доктора – китайца. Тот снял повязку, осмотрел внимательно голову, потом продезинфицировал рану и наложил свежий бинт. Задавал разные вопросы, на которые я знал правильные ответы, именно поэтому доктор ушел с пониманием того, что у пациента было сильное сотрясение мозга, а значит, вполне возможно присутствие временной амнезии. Потом пришел Чан с завтраком. Как любой ребенок, он был не прочь поболтать и прихвастнуть. Когда я попросил его научить меня китайским словам, вместо этого он обучил меня несколькими ругательствами, и когда я с умным видом их повторял, паренек весело и заливисто смеялся, чуть ли не катаясь по полу. Ли Вонга в этот день я так и не увидел, как видно, доктор убедил его, что память не вернулась, поэтому я принялся разрабатывать свое новое тело по специальной методике. Скоро от напряжения по телу градом катился пот. Дав себе небольшой отдых, начал бой с «тенью», нанося удары и ставя блоки. Мысленно рисуя перед собой различные сценарии боя, я осторожно увеличивал скорость и динамику выполнения приемов. Спустя час решил, что на первый раз хватит.

Вторую ночь я опять сидел у окна, бездумно глядя то на небо, то по сторонам и при этом наслаждаясь свежим ветер-

ком. Так продолжалось до тех пор, пока боковым зрением я не уловил легкое, почти незаметное движение в одном из окон напротив стоящего здания.

«За мной наблюдают, или просто кому-то не спится?»

Я не стал срываться с места, а остался сидеть как ни в чем не бывало. Зачем нервировать человека, если тот действительно за мной наблюдает? Пусть думает, что мальчишка ничего не заметил. Продолжая смотреть по сторонам, я старался уловить новое движение в окне, чтобы окончательно утвердиться в своем предположении. Так я сидел минут десять, как вдруг неожиданно услышал приближающийся рокот двигателя автомобиля. Мой слух мгновенно выделил именно этот шум мотора из общего городского шума. Даже такое неопределенное сочетание двух малозаметных деталей, как тень в окне и автомобиль, неожиданно вызвало во мне чувство неявной опасности. Моя прежняя работа давно уже приучила доверять своему внутреннему чутью, и сейчас я пытался понять, что во мне вызвало чувство опасности. Ведь в принципе все могло оказаться проще. Машина, которая движется сюда, проедет по улице, а затем растворится в большом городе, а тот, кого я принял за наблюдателя, просто окажется проснувшимся китайцем, которому захотелось сходить в туалет, а перед тем как лечь в постель, он выглянул на улицу. Да и заметить на темном фоне мою фигуру не так-то просто, если только не наблюдать за моим окном долго и внимательно. Вот только внутреннее чутье меня не

подвело. Фургон для оптовой развозки товаров подъехал и остановился у грузового входа бакалейной лавки, расположенной наискосок от магазина Ли Вонга. Лавка, в отличие от магазина, не имела освещения витрины, но луна и недалеко стоящий фонарь давали мне возможность в достаточной степени рассмотреть происходящее на улице.

Мне уже приходилось встречать на улицах города эти тупоносые машины с эмблемами различных фирм. Они развозили по магазинам небольшие партии груза. Молочные продукты, овощи-фрукты, соки и прочий товар. Водитель заглушил мотор, погасли фары. Я попытался спрогнозировать линию поведения подростка в подобном случае. Ему скучно. Он сидит у окна. Как себя должен вести подросток, которому скучно? Естественно, что он должен заинтересоваться машиной. Что я и сделал. Изображая любопытного паренька, высунулся из окна и, не скрываясь, стал смотреть, как из фургона выгружают ящики и коробки, отмечая подробности и детали ночной разгрузки. Неожиданно для меня, кроме водителя в машине оказался грузчик, вот только насколько я видел, в фургонах подобного типа находится обычно только шофер. Хотя, может, по ночному времени, так принято, подумал я, но тут же увидел, что из магазина быстрым шагом вышло три человека. Двое из них сразу приступили к разгрузке фургона, вытащив наружу достаточно большой и тяжелый ящик. На помощь им пришел водитель грузовика, а в это время третий китаец стал что-то тихо говорить чело-

веку, который был ошибочно принят мною за грузчика. Они говорили обо мне. Конечно, я не мог слышать их разговор, просто знал. Интуиция вместе с паранойей нашептали мне, что я сильно влип.

«Не поэтому ли меня предупредили, чтобы я не подходил к окну? Явно привезли что-то незаконное, а если судить по весу ящика, то, скорее всего, оружие. Похоже, моя догадка по поводу старика Вонга нашла свое подтверждение».

Придав напоследок своему лицу скучающий вид, я отошел в глубь комнаты. Я собрался, словно прямо сейчас мне предстоит схватка. Исходя из того, что я видел, нетрудно было понять, что моя жизнь теперь не стоит и цента, если за всем этим стоит Ли Вонг. Решение было принято быстро: надо уходить. У меня в кармане лежало пять долларов бумажкой, подарок Джима, и около доллара мелочью. Машина уедет, все успокоится, а через час меня уже здесь не будет. Разбираться со мной китайцы будут уже с утра. Я снова прислушался к звукам, доносившимся с улицы. Было странно, что фургон, разгрузившись, никуда не уезжает. Нет. Заработал мотор. Вот только машина никуда не едет. Почему? Я напряженно пытался понять, что прямо сейчас происходит на улице, как вдруг услышал негромкие звуки, доносящиеся со стороны окна. Ко мне лез незваный гость. Судя по скорости принятия столь радикального решения, как убийство, у меня появились сомнения в том, что тайную операцию проводили люди старого китайца.

«Кому надо, обо мне знают в окружении Ли Вонга. Да и сам способ ходить в гости через окно посреди ночи мне кажется несколько экстремальным. Тут что-то не то. Как бы то ни было, надо принять дорогого гостя, как полагается».

Как у меня всегда бывало в подобных ситуациях, эмоции и мысли куда-то испарились, освободив сознание бойца. Теперь я был готов убивать, вот только надо было учесть специфику своего нового тела, которое могло меня подвести в любой момент, а значит, мне нужно было найти то, что могло это компенсировать. Скользнув взглядом по комнате, я уже спустя пару секунд знал, что мне надо сделать. Нырнув под обеденный стол, я затаился. Легкий шорох. Секунда, другая, третья прошли в напряженном ожидании, и только китаец перебросил тело через подоконник, как на него обрушился рядом стоящий стол, сбив его с ног. Убийца изначально сделал большую ошибку, определив свою цель как подростка, а не серьезного противника, поэтому мне было чем его удивить. Резким толчком убийца откинул стол и только начал подниматься, как получил точный и выверенный удар, нанесенный в определенную точку на шее, который не дал моему противнику ни единого шанса. Тело китайца только раз дернулось в предсмертной агонии, а затем замерло в неподвижности. Шум должны были услышать и прибежать, чтобы узнать, что случилось. Как объяснить, что произошло? Вот только вместо перепуганных женщин спустя пару минут в комнату вбежали два крепких китайца. Судя по мягкости

и стремительности движений, оба были мастерами восточных единоборств. Когда сам занимаешься подобными видами спорта около двадцати лет, то автоматически замечаешь принадлежность человека к какому-либо виду рукопашного боя. Первый китаец, вбежав в комнату, сразу включил свет, второй остановился на пороге, перекрыв выход. Затем оба, не двигаясь, какие-то мгновения оценивали обстановку. Перочинный нож в моей руке тоже не был обойден вниманием. Потом тот, кто стоял у двери, подошел к трупу, быстро посмотрел ему в лицо, затем выпрямился и негромко сказал по-китайски:

– Это человек Фаня. Надо прямо сейчас доложить.

Только в этот момент до меня дошло, что оба китайца были полностью одеты, а не только что вылезли из своих кроватей. Попытался предположить, что это могло значить, как стоявший посредине комнаты китаец спросил меня на английском языке:

– Что здесь произошло?

Голос у китайца был ровный и холодный, а на лицо словно гипсовая маска надета.

«Человек Фаня. Враждебная группировка? Если так, то Ли Вонг будет рад заполучить оружие своего врага. Причем надо действовать быстро, пока они его не унесли в другое место. Значит, будем ковать железо прямо сейчас!»

– Мне надо прямо сейчас увидеться с мистером Вонгом, – сказал я.

Китайцы переглянулись. В их глазах читалось удивление. Я снова повторил:

– Прямо сейчас. Это срочно.

Не знаю, о чем они подумали, но задавать вопросы не стали. Чуть ли не бегом мы спустились по лестнице, затем быстрым шагом прошли по улице, а еще спустя несколько минут я стоял перед старым китайцем. За это время я отметил две детали. Уехала машина, которая привезла оружие, и у китайцев случилось нечто такое, что заставило полтора десятка крепких парней с каменными лицами стоять в коридоре перед кабинетом старика. Они тут же расступились, проводив меня тяжелыми взглядами. Мои последние сомнения, что Ли Вонг имеет немалый чин в местной триаде, развеялись.

Большая комната была отделана чисто в китайском стиле, но без особой роскоши. Старый китаец сидел в своем кресле, прикрыв глаза, и о чем-то думал. Стоило мне остановиться перед ним, как тот открыл глаза и посмотрел на меня. Его взгляд не сулил мне ничего хорошего, если старый китаец посчитает мои слова пустой болтовней. Нет, на его лице ничего не отражалось, но я-то видел это сквозь каменную маску на его лице и поэтому решил не затягивать разговор, начав его с неожиданного вопроса:

– Я убил вашего врага?

Похоже, я его удивил, потому что Ли Вонг посмотрел на меня так, словно видел впервые, и при этом, похоже, он не

знал, что мне сказать. В комнате наступила тишина. Чтобы прервать паузу и подтолкнуть его к правильному ответу, я сказал:

– Скажите правду, уважаемый Вонг.

– Да. Это был враг, – при этом его голос ничего не отражал.

По пути мне хватило времени, чтобы продумать, о чем мне стоит говорить, а о чем лучше промолчать, поэтому мой рассказ уложился в несколько минут. Видно, мои сведения имели особый смысл, так как после того, как я закончил говорить, старик принялся сыпать командами. Спустя пару минут шестеро китайцев понеслись проверять мою информацию, остальным был приказ перекрыть улицу с двух концов, а самому Вонгу принесли телефонный аппарат, и он коротко, на китайском языке, пересказал своему собеседнику на другом конце провода все, что услышал от меня. Я не мог слышать его собеседника, но судя по ответам старика, он получил одобрение сверху на все свои действия. При этом я отметил, мое имя ни разу не было упомянуто. Закончив разговор, старик повернулся ко мне и сказал:

– Сядь пока на этот стул, мальчик. У меня к тебе потом еще будет разговор.

Судя по времени, события развивались очень быстро, так как уже спустя двадцать минут в дверь постучали, а затем в кабинет торопливо вошел китаец, который первым ворвался в мою комнату. Мне было уже известно, что его зовут Вэй.

Он сначала бросил быстрый взгляд на меня, а потом на старика, как бы спрашивая разрешения говорить.

– Говори, – разрешил тот.

– Мальчишка оказался прав, господин. Мы нашли Мэй. Госпожа одурманена, но жива и здорова.

«Это совсем уже интересно. Не оружие было в том ящике, а женщина, которую похитили. Можно сказать, завязка для приключенческого романа».

– Хорошо, – с явным облегчением произнес старый китаец. – Очень хорошо. Кого взяли?

– Извините, – китаец склонил голову, – никого.

Черты старика закаменели, а в глазах появилось пустое и холодное выражение, как у наемного убийцы, перед тем как нажать на спусковой крючок. Я, сидя в углу кабинета, растерянно хлопал глазами, делая вид, что ничего не понимаю. Старик хотел сказать что-то резкое, но скользнув глазами по мне, сменил тон, и в его голосе сейчас чувствовалось только раздражение:

– Об остальном я с тобой потом поговорю, а сейчас забери мальчишку и отведи его в мою гостевую комнату. Потом вернешься.

Когда мы выходили, я слышал, как старик набирает номер на телефоне.

Оказавшись в комнате, я разделся и лег на кровать, но не для того, чтобы спать. Мне нужно было срочно принять решение. Несмотря на то, что мне удалось хорошо помочь

Ли Вонгу, это совсем не говорило о том, что он кинется мне на шею с изъявлениями благодарности. Совсем нет. Дело в том, что главной чертой национального характера китайцев считается рационализм. К этому надо добавить приверженность к традициям и личным связям, а если еще вспомнить, что вся история Китая построена на хитрости и вероломстве, то можете себе представить, из чего состоит их менталитет. Европейцу очень трудно понять китайца, но попробовать можно, особенно если вы долго жили среди них. Я приподнял самый краешек тайны китайской триады, самой закрытой криминальной организованной группировки во всем мире. Пусть я мальчишка, пусть не знаю китайского языка, а значит, не могу знать, что произошло, но если Ли Вонг посчитает, что я, пусть маленькая, но угроза его безопасности, меня очень быстро похоронят на ближайшей свалке. С другой стороны, он должен был по достоинству оценить мои возможности, которые я успел ему этой ночью продемонстрировать. Если я его заинтересую, то...

ГЛАВА 3

Проснулся я уже днем, но только успел встать, привести себя в порядок и одеться, как дверь открылась, и зашла де-вушка.

– Сейчас принесу тебе поесть.

– Хорошо.

После обеда она проводила меня к старику. Старик-ки-таец при виде меня сделался подчеркнуто дружелюбным, улыбнулся, правда, только краешками губ, но при этом не забывал следить за мной холодными и очень внимательны-ми глазами. Сидел он в кресле у небольшого лакированно-го столика, исполненного в китайском стиле. На нем стоял чайничек, чашки и вазочки с печеньем и конфетами.

– Садись, Майкл, – старик за все это время в первый раз назвал меня по имени. – Пей чай. Бери конфеты, печенье. Не стесняйся.

Несколько минут в полном молчании мы пили чай. Потом он поставил свою чашку на столик, а следом за ним – я.

– Хочу с тобой кое о чем поговорить, но перед этим скажу тебе одну старую китайскую поговорку: если ошибся доро-гой, то можно вернуться; если ошибся словом – ничего нель-зя сделать. Подумай об этом, мальчик.

– Я понял вас, мистер Вонг. Мое будущее будет зависеть от того, что я скажу.

В глазах китайца появилось удивление. Такой точный и прямой ответ он никак не ожидал услышать от простого мальчишки.

– Очень хорошо, если ты это понимаешь, Майкл. Значит, ты должен понять и принять правду, какой бы тяжелой она ни была. Твоя память еще не вернулась?

На его вопрос я отрицательно покачал головой.

– Тогда слушай. Твой отец украл у своих хозяев большие деньги, а когда это вскрылось, испугался и побежал в Федеральное бюро расследований за помощью. Он поступил не как мужчина, а как пес, укусивший хозяина, который его кормил. Запомни! «Крыс» нигде не любят, и поэтому предатели не доживают до старости. Гибель твоей семьи было показательной казнью для всех тех, кто вздумает ступить на скользкую дорожку предательства. Теперь те, кто убил твою семью, хотят твоей смерти и даже готовы заплатить за это хорошие деньги. Скажу тебе так: ты мне никто, мальчик. Сегодня я тебя видел, а завтра уже забыл о тебе.

Его слова прозвучали смертным приговором, но китайцы ничего не говорят и не делают просто так. Они рационалисты, а значит, в этих жестоких словах скрыт еще один смысл, который требуется понять. Общая подоплека его слов была мне понятна: нагнать на мальчишку страх, запугать до полусмерти. Или он хочет что-то от меня? В таком случае это проверка на прочность.

– Ты молчишь. Ты боишься, мальчик? – вопрос старика

был настолько скользкий, что на нем можно было запросто упасть и сломать себе шею.

Теперь мне надо было быстро решать: играть роль испуганного мальчишки или заинтересовать старика новым обликом. Его многим можно было удивить, но ни в коем случае нельзя было перегибать палку.

– Вы только что осуждали предательство. Тогда как можно понять ваши последние слова?

Новый внимательный и пристальный взгляд старика, словно он что-то одному ему понятное пытается во мне рассмотреть и понять.

– Ты умеешь мыслить, Майкл. Это мне нравится, только ты не учел одного: предательство твоего отца поставило тебя вне закона. Сейчас ты не человек, ты – цель.

Это была новая попытка сломать меня, но уже на несколько ином уровне.

«Старый черт, к чему ты ведешь?»

– Мне нечего ответить на ваши слова, мистер Вонг, – слова были произнесены сухо и ровно.

Старик был озадачен реакцией четырнадцатилетнего подростка, хотя и старался не показывать вида.

– Хорошо, тогда я продолжу. Твое настоящее имя Майкл Валентайн, хотя последние несколько месяцев ваша семья жила под фамилией Шверинг, которую вы получили вместе с домом по программе защиты свидетелей. Через несколько месяцев тебе исполнится пятнадцать лет. Ты почти два го-

да занимался боксом, поэтому для своих лет хорошо физически развит. Теперь о твоей потере памяти. Все, с кем ты общался последнее время, знают об этом с твоих слов, – таким образом, старик снова высказал мне свое недоверие. – Может, и я этому поверю, если ты сумеешь меня убедить.

Я промолчал. Теперь мне точно было известно, что Ли Вонг меня провоцирует, испытывает на излом. Хотя если судить по реакции старика, наш разговор, похоже, идет в правильном направлении.

– Джим Бармет вспомнил, что ты у него спрашивал: где ты находишься и который сейчас год. Хм. Может быть, ты и вправду частично потерял память? – он немного помолчал, потом ласково улыбнулся и продолжил: – Может, твоя потеря памяти – не самая плохая утрата? Ведь она забрала у тебя душевную скорбь и сердечную боль невосполнимой потери. Ты согласен со мной, Майкл?

– Полагаюсь на вашу мудрость, мистер Вонг, – чуть склонив голову в неглубоком поклоне, ответил я.

В глазах старика появилась растерянность. Так ответить мог только взрослый и опытный человек, причем знакомый с китайскими традициями, но никак не мальчишка. Именно сейчас он в первый раз подумал, что говорит с пареньком словно со взрослым мужчиной, причем с сильным духом мужчиной-воином. Телом – мальчик, а действия и ум – настоящий боец. Может, в тело этого подростка вселился дух воина? Родившийся в конце прошлого столетия, в семье

темных и неграмотных крестьян, Ли Вонг на всю свою жизнь сохранил веру в духов. Именно поэтому в его голову пришла неожиданная мысль: может, в этого мальчишку, забрав часть памяти, вселился дух-защитник? Это легко объясняло все странности, которые просто не поддавались практическому складу ума старого китайца.

– Мне лестно слышать подобные слова, мальчик, но все же давай вернемся к нашему разговору. Мне хотелось, чтобы ты мне кое-что прояснил. Начнем с нападения на ваш дом. Мне известно, что ты сумел застрелить двух убийц своей семьи, а потом убежать. Врач, который тебя осматривал, предположил, что при этом ты был сильно контужен.

Пару секунд размышлял, а потом решил не отрицать этот факт, так как старик и так об этом знает.

– Да, так и было. Убил и убежал.

По лицу старого китайца неожиданно скользнула тень одобрения. Нетрудно понять ее суть: настоящий мужчина должен уметь постоять за себя. Для взгляда европейца оно оставалось непроницаемым, но я за столько лет общения научился читать малейшие нюансы на лицах азиатов.

– Прошлой ночью ты убил еще одного человека. Китайца. Я знал его как сильного бойца. Если там ты стрелял из пистолета, и это можно было отнести к твоему крайне возбужденному состоянию, то здесь нанес только один удар ножом. Только мужчина-воин способен на такое, а ты мальчишка. Ты понимаешь, что не должен был выжить в этой схватке,

но вместо этого продолжаешь дышать воздухом и радоваться жизни, а он – нет. Как такое могло произойти?

– Я сначала сбил его с ног столом, а потом...

– Столом?!

– В моей комнате стоит простой обеденный стол. Когда он поднимался ко мне, я залез под стол, а стоило пришедшему спрыгнуть на пол комнаты, как резко вскочил и опрокинул на него стол. Для него это было неожиданно, поэтому он не оказал мне сильного сопротивления. Потом я сильно ударил его перочинным ножом в шею.

Старик задумался. Ведь и такое возможно. Этот мальчишка просто мог случайно ударить в смертельную точку. Вот только эта хитрость со столом. Как это объяснить? Как-то он слишком быстро сообразил, и с фургоном, и с убийцей. А его отношение к смерти? Ведь он убил не просто трех человек, а наемников, боевых псов, натасканных на убийство. Неужели в нем действительно живет дух мужчины-воина? Старый китаец все никак не мог отделаться от этой мысли, да ведь по-другому никак и не объяснишь ум и действия этого странного подростка.

– Почему тогда не закричал? Не позвал на помощь?

– Слишком неожиданно все произошло.

– Неожиданно. Очень даже неожиданно, – повторил китаец. – Хочешь еще чаю? Нет? Тогда посиди тихо. Мне надо подумать.

Старый китаец задумался. Ему было о чем подумать. У

нынешнего главы преступного общества, под чьей рукой он был, уже давно появился враг. Китайско-вьетнамская банда. Город большой, и до определенного времени у них не было точек соприкосновения, пока дело не коснулось двух портовых терминалов. Уж больно лакомый был кусок. Им удалось подмять под себя кусок порта, но в этой войне обе стороны понесли большие потери, сильно ослабив обе группировки. Сам Ли Вонг потерял на ней своего старшего сына.

Какое-то время все было тихо, а затем произошло неудачное покушение на самого главу, затем похищение его любимицы – внучки. Их враги каким-то образом сумели заслать к ним шпиона. Кто он? Подозрения у него были, но как их предьявить, если нет фактов. Ли Вонг со своим младшим сыном отвечали за безопасность, и для них жизненно важно было в скорейшие сроки выявить шпиона. Сегодня ночью была упущена еще одна возможность, и он не знал, как поступиться к «крысе», пока не появился мальчишка.

«Он мне нужен, чтобы схватить змею, которую мы пригрили у себя на груди», – окончательно решил старик.

– Не сильно заскучал? Понимаю, общество старика не сильно интересно для такого живого и умного мальчишка, как ты.

– Я понимаю важность нашего разговора, мистер Вонг.

Снова внимательный и цепкий взгляд старого китайца. Теперь я знал, что он пытается понять: что я собой представляю?

– Хорошо, Майкл, если ты это понимаешь, поэтому скажу сразу: ты нам помог, а значит, мы тоже должны помочь. Ты должен это понять, Майкл, что в этом случае мы берем на себя большую ответственность.

«Пытается посадить меня на крючок под названием ”ты нам должен”. Как-то больно примитивно. Хотя, с другой стороны, его предложение, возможно, будет временным решением моих сегодняшних проблем. Пока я им буду нужен, китайцы пылинки с меня сдувать будут. Вот только когда он скажет, что ему от меня нужно? А давай-ка мы его подтолкнем!»

– Может, я еще могу чем-то помочь вам, мистер Вонг?

Старый китаец настолько опешил от прямого вопроса, что на несколько секунд превратился в статую. Впрочем, быстро вернув себе уверенность, он спросил:

– Как тебе могло подобное прийти в голову, Майкл?

– Честно говоря, не знаю. Просто предположил.

– Предположил, – повторил старик с непонятной усмешкой. Он только что окончательно уверовал, что в подростковом возрасте живет дух воина. Не мог обычный мальчик так вести беседу. При этом у него появилось предчувствие, что он все делает правильно. – Хорошо, Майкл. Ты, действительно, мне нужен для одной весьма деликатной работы.

– В чем она заключается, мистер Вонг?

– Нужен защитник для девочки.

Тут пришла моя очередь сильно удивиться. Триада, самое

тайное, самое закрытое преступное сообщество, нанимает боевика со стороны для охраны ребенка. К сожалению, я не знал истории развития китайской преступности в Америке, поэтому не мог сказать точно, что собой представляет собой именно эта преступная группировка.

– Я не ослышался? Для девочки?

– Именно так, Майкл. Ты подросток, и она подросток. Вы будете вместе учиться, в одном классе. Она хорошая девочка, и ты должен будешь с ней подружиться. Это и будет твоя работа.

– Ей грозит опасность?

– Да, ей грозит опасность, поэтому ты станешь ей и другом, и защитником.

– Когда все закончится, что тогда будет со мной? – сразу поинтересовался я.

– Ты получишь хорошую награду и сможешь уехать, куда тебе вздумается.

– Хорошо. Кого мне нужно опасаться?

– Этого я не знаю, Майкл. Если бы знал, ты бы не был нужен. Так ты согласен?

– Сделаю что в моих силах, мистер Вонг.

– Вот и хорошо. Сегодня ты ночуешь у меня, а завтра переедешь в другое место. Обо всем более подробно мы поговорим позже. Сейчас иди к себе.

Операция, что задумал старый хитрец, была мне более или менее понятна. Правда, не в деталях, а в своей сути. Че-

рез неделю начинается учебный год, и девочка пойдет в школу. Это значит, что она будет передвигаться по городу, где ее можно будет похитить, а потом диктовать свои условия. Как мне представлялось, дело тут, скорее всего, в дележке территорий. Вот Вонг и собирается ловить на нее, как на живца, своих врагов. Правда, он очень здорово рискует при такой комбинации, но, похоже, у него нет иного пути. Или время поджимает. Похоже, я очень удачно попал к китайцам. К тому же меня никто не знает, кроме семьи самого Вонга. Вот только что я буду иметь в случае удачного исхода операции?

«Думаю, что старик выполнит свои обещания, а потом предложит поработать на их банду. Влезать в их разборки... Не думаю, что это правильно, но в любом случае для старта в будущую жизнь денег немного заработаю».

Школа Мэй находилась в пятнадцати минутах езды на машине от ее места жительства. Если провести линию от школы до ее дома, то моя новая квартира окажется где-то в середине. Район, где находилась моя новая квартира, был сравнительно безопасным, заселенным в основном банковскими и конторскими служащими, так как соседствовал с финансовой зоной, где довольно кучно высились небоскребы шести крупных и с дюжину мелких банков, а рядом с ними расположились несколько десятков финансовых и страховых компаний.

Обстановка квартиры соответствовала мечте среднеста-

тистической американской домохозяйки. Нет, ничего шикарного в ней не было, но холодильник имел место быть. Вместе с квартирой мне предложили женщину, но не для постельных утех, а чтобы вести работы по хозяйству.

«Обойдусь без шпионов», – решил я, после чего получил на расходы сто долларов.

Честно говоря, у меня до последнего времени не очень хорошо получалась роль подростка, то и дело я сбивался на поведение и тон взрослого мужчины. Хотя в прошлой жизни мне приходилось осваивать разные профессии, но перед этим со мной работали эксперты в той или иной области, а здесь придется самостоятельно отыгрывать роль подростка – школьника. Для этого мне нужно было иметь багаж из предпочтений и знаний не только по школьной программе, но и по музыке, спорту, а также личным интересам. А как относиться к девочкам? Я никогда не учился в американской школе и уж тем более не имел понятия о жизни школьников в 1949 году. Подумав, решил изобразить немногословного парня, живущего по основному правилу: меньше слов – больше дела. Составлением образа я занимался вечерами, а все остальное время проводил в частном спортивном зале, привыкая к своему телу. На очереди у меня стояло изучение и вождение машин и мотоциклов. Из предложенного китайцами оружия я выбрал себе Colt Model 1908, карманный пистолет, разработанный для скрытного ношения. Исходил из того, что мне нужно оружие для ближнего боя. Так в моей

школьной сумке появилось специальное отделение для пистолета.

В свой первый день занятий я встал утром и неожиданно понял, что немного волнуюсь.

«Хм. Совсем как школьник, который идет в первый раз в незнакомую школу».

Приведя себя в порядок, сложил тетради и учебники, потом встал перед зеркалом в прихожей. Кареглазый паренек, довольно крепкого телосложения, с нормальным лицом. Кто ни посмотрит на меня, скажет: обычный подросток.

«И очень сильно ошибется», – с усмешкой подумал я и состроил рожицу своему отражению.

Это была закрытая, привилегированная школа. Здесь не было негров и латинос, а вот азиаты присутствовали, правда, в очень небольшом количестве, но уже это было удивительно, потому что в эти годы белые американцы меньше всего думали о демократии и толерантности. Родители посылали своих детей в частные школы именно для того, чтобы отделить их от людей второго сорта. Честно говоря, мне было непонятно, почему китайскую девушку родные определили в подобную школу. Правда, здесь была охрана, да и сама территория школы была окружена высоким забором, только, я так думал, для похитителей это вряд ли станет серьезным препятствием.

Класс, в который мы пришли, был уже сложившимся кол-

лективом. Если школьники и были разделены, то только по интересам и симпатиям. Часть подростков имела свои прозвища. Одни были обидные, как Поросенок Питер, или соответствовали каким-то качествам, как Клубничка Бэс. Девочку так называли, потому что она имела привычку краснеть, причем из-за сущих пустяков, а Питера Красли называли так за пухлую, неспортивную фигуру и толстые щеки. Он был сыном какого-то финансиста, но при этом являлся добродушным и довольно флегматичным парнем и если как-то реагировал на свое прозвище, то не внешне. Имелся в классе и лидер. Вирджил Дигман. Парень был довольно красив, имел фигуру атлета, привлекая внимание девочек. Когда-то он занимался боксом, а потом переключился на плавание. Кроме этого, как мне говорили, вместе с отцом – яхтсменом – он каждый год участвует в большой регате. Нас представили классу, после чего первые два урока мы провели под шепотки и любопытные взгляды одноклассников. Все дело заключалось в Мэй. Будь она белой девушкой, с ней бы уже познакомились, но она была китайкой, а значит, человеком второго сорта. Вместе с ней стали игнорировать и меня, потому что на первой же перемене я с ней заговорил. Не успел прозвенеть звонок, зовущий на третью перемену, учитель хлопнуть дверью, выйдя из класса, как лидер класса Дигман решил проявить себя.

– Мэй! – окликнул он ее, а когда она обернулась, сказал: – Недавно нам домой привозила белье прачка из китайской

праческой! Точь-в-точь как ты! Это не твоя сестра была?!

Парень, сидевший за соседней партой с Вирджилом, громко засмеялся. Мэй отвернулась, покраснела, уткнулась глазами в свою парту. Ее глаза стали влажными, вот-вот заплачет. В классе кое-где раздались смешки. Мне надо было приниматься за свою работу. Я встал и пошел в конец класса, к столу, за которым сидел Дигман. Остановившись, стал его разглядывать. Тот насмешливо посмотрел на меня, потом с явной пренебрежительностью сказал:

– Я тебя не звал. Чего хотел?

– Чтобы ты заткнулся, Дигман, – спокойно ответил я.

После моих слов в классе наступила тишина. Напряженная, тягучая тишина. Ленивая поза Вирджила исчезла, парень разом подобрался. Ему бросили вызов. Он готов ответить, вот только почему этот парень так спокоен?

– Я делаю, что хочу, и мне никто не смеет указывать. Запомни это! Ты новенький и поэтому еще этого не знаешь, а теперь можешь идти. Или надо еще что-то добавить? Бак!

Бак Динкфильд, его правая рука, угодливо рассмеялся:

– Если только пару раз по шее. Чтобы лучше дошло.

В классе все замерли в ожидании, чем закончится разговор между странным новичком и лидером класса.

– Хорош языком болтать, – заявил я, сделав скучающее лицо. – Есть в школе место, где можно по-мужски поговорить?

Я заметил, что на верхней губе Бака выступила испарина.

Он сейчас то и дело переводил взгляд со своего приятеля на слишком уверенного в себе новичка. Что ему делать? Дигман в свою очередь занервничал, что было заметно по бегаящим глазам, но только он открыл рот, чтобы ответить, как прозвенел звонок и в класс вошла учительница истории. На следующей перемене никто из класса не вышел, так как все ожидали продолжения разговора, вот только за время урока я продумал свое поведение и понял, что повел себя неправильно. Мне не нужна была излишняя популярность в школе, и я решил переиграть линию своего поведения. Переложить роль задиры на Дигмана. Прошла пара минут, а я все сидел за своим столом и листал учебник. Когда школьники поняли, что продолжения не будет, все потихоньку начали заниматься своими делами. Если мне было все равно, то парню, чье лидерство оспорили, нет. Подойдя к моему столу в сопровождении Бака, Дигман с угрожающим видом заявил:

– Мы еще не договорили.

– Слушай, не мешай. Видишь, читаю.

– Ты что, урод, не понял, что я с тобой разговариваю! – и он попытался захлопнуть учебник, нависнув над моим столом.

В следующее мгновение я распрямился как пружина, нанеся Дигману удар в челюсть открытой ладонью. От неожиданного и резкого удара парня отбросило, и, не удержавшись на ногах, он с грохотом рухнул на пол между партами. Вскочив на ноги, я бросился на его приятеля. Динкфильд был на-

столько ошеломлен моей атакой, что даже не смог оказать никакого сопротивления и оказался на полу, на пару со своим приятелем. Стоя над ним, я насмешливо спросил:

– Бак, тебе еще отвесить пару раз по шее или хватит?

Тот, держась за челюсть, что-то пробурчал неразборчиво.

– Я так понял, что ты сейчас извинился передо мной.

Тот вскинулся, хотел что-то сказать, но наткнувшись на мой не предвещающий ничего хорошего взгляд, только согласен мотнул головой. Унижать парней я дальше не стал и вернулся на свое место. Обоим парням помогли подняться на ноги одноклассники, а еще спустя пару минуту прозвенел звонок. За урок оба парня пришли в себя, и когда мы стали собирать сумки, чтобы перейти в химическую лабораторию, Дигман дождался, когда большая часть класса выйдет, подошел ко мне и угрожающе заявил:

– После уроков мы тебя так отделаем, что родной папаша не узнает!

Я только усмехнулся, глядя ему в лицо. Его это окончательно взбесило, но полученный недавно урок и моя непонятная ему уверенность заставляли инстинктивно остерегаться меня. Он с большим трудом сдерживал свою ярость, и как только ему на глаза попался один из немногих оставшихся в классе школьников, а это был Питер Красли, он не выдержал.

– Поросенок, ко мне!

Питер, как загипнотизированный, подошел к нему, и Диг-

ман небрежным жестом сунул ему свой портфель, после чего заявил приказным тоном:

– Отнесешь в лабораторию!

– Питер, кинь его портфель на пол! – неожиданно резко скомандовал я.

Секунду поколебавшись, Красли, с опаской глядя на меня, осторожно опустил портфель Дигмана на пол и выпрямился в ожидании нового приказа.

– Чего встал?! – обратился я теперь к Дигману и принял угрожающий вид. – Быстро забрал свой портфель и топай в лабораторию, а то опоздаешь! Ну! Пошел!

Унижение, которому я его сейчас подверг, заставило парня потерять голову и кинуться на меня, за что он и поплатился, налетев на элементарный прием, после которого оказался стоящим на коленях с вывернутой назад рукой. Подросток еле сдерживался, чтобы не застонать. Его приятель Бак только напрягся, собираясь броситься на меня, как я его предупредил:

– Одно твоё движение, и я ему сломаю руку. И в этом именно ты, Динкфильд, будешь виноват.

У меня не было цели ломать репутацию лидера класса, поэтому решил не затягивать этот спектакль, так как я добился, чего хотел. Показал всем, что я крутой парень, а значит, китаянка, с которой общаюсь, находится под моей защитой. Она, кстати, присутствовала при этой сцене и, кажется, одна из немногих поняла, в чем её суть. Отпустив руку лидера, я

взял свою сумку и сказал стоящим в полном ступоре оставшимся одноклассникам:

– Ребята, пошли быстрее, а то опоздаем на занятия.

В этот день я Дигмана больше не видел. Он пришел на занятия только на следующий день. Пару дней обо мне в классе еще говорили, кое-кто даже попытался записаться в мои друзья, но так как я держался отчужденно, то все общение со мной заключалось в нескольких словах: «Привет. Как дела? Хорошо. Пока». Да и кому интересно обсуждать новости или сплетни с человеком, который выслушивает тебя с каменным лицом, а потом уходит, ни слова не говоря. Подросток из меня получился довольно странный, но передо мной не стояла задача подружиться с классом, а только с Мэй. Свою задачу я выполнил. Несколько дней класс лихорадило, так как привычный расклад нарушился, и теперь все считали, что лидером в классе станет новичок, но так как я продолжал вести себя, как обычно, то одноклассники поняли, что тот ни на что не претендует. Стоило всем это понять, как все почти, за небольшим исключением, вернулось на свои места. Пока большая часть класса, оставшись верными Дигману, старалась держаться от нас на расстоянии, то другие ребята, кто временами становился объектом насмешек своих одноклассников, неожиданно записались в друзья к моей китайской подружке. Таким образом, они считали, что находятся под моей защитой. В принципе, так и было. Особенно после того случая на перемене, когда парень из параллель-

ного класса решил показать себя героем перед приятелями и сильно толкнул Питера с криком:

– Дорогу, свинья!

К его несчастью, я оказался рядом, после чего обидчику стало очень больно. Трое его приятелей, до этого весело смеявшихся над грубой шуткой, резко заткнулись, глядя, как корчится на полу от боли их друг. Несколько секунд я смотрел на них, но подростки только отводили глаза, стараясь не встречаться со мной взглядом. Так как это произошло в коридоре во время большой перемены, то слухи об этом быстро разошлись по всей школе, и Питер, неожиданно для себя, стал другом крутого парня. Естественно, что к моим одноклассникам, поддерживавшим дружбу с Мэй, в школе стали относиться без особой симпатии, но при этом старались не только их не задирать, но и даже обходить стороной.

Сама Мэй была симпатичной (на китайский вкус), стройной и энергичной девушкой, с неплохими задатками лидера. Она со вкусом одевалась, обладала чувством юмора, хорошо рисовала и неплохо пела, тем самым все больше привлекая внимание своих одноклассников. Как-то раз, когда мы выходили из школы, Мэй неожиданно спросила, где я живу, и откровенно обрадовалась, когда поняла, что мы оба живем в одном и том же направлении. Она тут же решила, раз мы друзья и нам по пути, то теперь мы будем ездить вместе. Мои вялые возражения она отмела сразу, после чего я мог честно сказать, что выполнил все, что мы наметили с Ли Вонгом.

Точка на маршруте, где я сходил, вполне могла быть использована для нападения на Мэй, поэтому она была учтена в плане. Мне также было известно, что за машиной, которую вел ее личный шофер-телохранитель, неприметно следовала еще одна машина с четырьмя хорошо вооруженными боевиками, да и маршрут ее автомобиля был проложен так, что проходил по большим оживленным улицам. Вариант, что нападение произойдет в центре города, где полно полицейских патрулей, было маловероятно, хотя он тоже учитывался.

Пошел уже третий день, как мы с Мэй стали ездить вместе. Наше общение проходило в основном в школе, потому что в машине она молча сидела и думала о чем-то своем. Впрочем, ничего удивительного в этом я не видел. У китайцев свой менталитет, свое мировоззрение и свои отношения между людьми. Именно поэтому все десять минут нашей совместной езды до места, где выходил, я спокойно смотрел в окно. Мне до сих пор было интересно смотреть на этот мир. Просто так случилось, что водоворот событий, захлестнувший меня с самой первой минуты пребывания в этом мире, был настолько силен, что у меня не было времени, чтобы привыкнуть к местной жизни.

Мы ехали в первом ряду, у самого тротуара. Как всегда, я сел с правой стороны, чтобы сразу выйти, когда машина остановится.

«Через две минуты будет перекресток», – отметил я в голове, следя за людьми на тротуаре, при этом автоматиче-

ски оценивая их на возможную опасность. Вдруг впереди на перекрестке, который мы обычно быстро проскакивали, неожиданно раздался резкий визг тормозов, скрежет сминающегося металла, звон лопнувшего стекла, и сразу закричали люди. Движение резко замедлилось, и сразу раздалась автомобильные гудки недовольных водителей. Наша машина проползла еще полтора десятка метров и остановилась. Водитель затормозил перед темно-красным «линкольном», потом, высунув голову и подавшись вперед, попытался рассмотреть, что делается впереди. Мэй автоматически подалась вперед, наклонившись к переднему сиденью. Воспользовавшись тем, что девушка отвлеклась, я достал из сумки маленький кольт и незаметно переложил его в карман брюк. На перекрестке и близлежащих тротуарах возникла толча людей, которые шумели, выплескивая наружу эмоции и делаясь с окружающими своими впечатлениями. Только успел подумать, что мы застряли здесь надолго, как позади нас раздался взрыв, а вслед за ним послышались пистолетные выстрелы.

«Все подстроено. Авария, теперь они расстреляют наше сопровождение и скроются в толпе. Выдернуть девушку из машины и попробовать скрыться? – Я пытался найти выход из создавшейся ситуации, глядя в окно, как мечутся по тротуару люди. – Так, может, налетчики именно этого и ждут? Перехватят нас в этой неразберихе и спасибо не скажут. Где эта, мать ее, полиция?!»

Бросил несколько взглядов по сторонам, пытаюсь оценить обстановку. Дверца автомобиля со стороны Мэй была заблокирована стоящим рядом автомобилем. Мельком отметил, что там ехала семья. Отец со старшим сыном на переднем сиденье, а мать с дочкой на заднем. Сейчас все они скорчились на своих сиденьях, закрывая руками головы. Со всех сторон слышались истерические крики перепуганного народа:

– Полиция!! На помощь!!

Наш водитель не выдержал, выхватил пистолет и попытался выскочить из машины, но стоило ему только открыть дверцу, как откуда-то ударило два выстрела, и он, хрипя, стал заваливаться обратно на сиденье. Кто и откуда стрелял, мне не удалось заметить в общей суматохе. Мэй вскрикнула и прижалась ко мне, дрожа всем телом.

– Сядь между сиденьями. Живо, – прошептал я ей.

Только она так сделала, как откуда-то сбоку раздался рев мощного двигателя, и на тротуар выскочила полицейская машина, резко затормозившая напротив нас в десятке метров. Из нее выскочили три полицейских с пистолетами в руках. Если водитель, настороженно вертя головой, остался у автомобиля, то остальные двое сразу кинулись к нам.

«Полицейские?! Откуда? Я не слышал полицейской сирены. Почему бегут именно к нам, а не к месту, где был взрыв? Причем бегут свободно, словно не ждут опасности. Они что, не видят труп водителя? Маскарад? Стрелять? А если это настоящие копы?»

Сомнение не дало мне окончательно утвердиться в мысли о лжеполицейских, а значит, время для стрельбы было упущено, к тому же у обоих полицейских в руках были пистолеты, которые они были готовы пустить в ход. Пришлось срочно работать по другому варианту: испуганный подросток. Приняв решение, согнулся к свернувшейся в клубок девушке и прижался к ней со словами:

– Все будет хорошо, девочка.

Полицейский, подбежав к нашей машине, открыл заднюю дверь и, увидев две сжавшиеся фигурки подростков, громко спросил:

– Здесь есть девушка по имени Мэй?

Услышав вопрос, я теперь точно знал, что это ряженые полицейские, вот только стрелять было поздно. Второй «полицейский», заняв позицию в двух метрах, четко контролировал меня. Мэй, отодвинув меня, приподняла голову, и стоило ей увидеть полицейского, как ее губы тронула робкая улыбка.

– Да. А что случилось?

– Офицер Джексон. Патрульно-постовая служба Лос-Анджелеса. Нас послали за вами. Пожалуйста, пройдите в нашу машину. Кто рядом с вами?

Его напарник, стоя в двух шагах за его спиной, прикрывал его, но даже при этом можно было удивиться выдержке наемника. Лицо, как и тон его голоса, было спокойно и серьезно, как и положено настоящему копу.

– Мик Доноган. Мы учимся в одном классе. Я без него не поеду, – решительно заявила девушка, уже немного оправившись от испуга.

Полицейский слегка скривился, но больше ничем себя не проявил.

– Хорошо. Только быстрее. Здесь опасно.

Делая вид, что совсем потерял голову от страха, я со всех ног помчался к полицейской машине, совсем не обращая внимания на Мэй. Только успел забраться на заднее сиденье, как хлопнула дверца, это полицейский-водитель сел на свое место. Пистолет, который я при посадке в машину успел выдернуть из кармана и сейчас держал в руке, был прикрыт школьной сумкой. Мэй быстро вскочила в машину вслед за мной. Не успели оба наемника почти одновременно хлопнуть дверцами, как автомобиль сорвался с места и помчался по опустевшему тротуару. Водитель только начал набирать скорость, как послышался приближающийся рев сразу нескольких моторов и нарастающий звук сирен. Головы двух лжеполицейских автоматически повернулись на звуки, и только водитель, сосредоточенно глядя вперед, выкручивал руль, поворачивая за угол, что дало мне возможность относительно незаметно вытащить свой пистолет. Резким рывком выбросил руку с пистолетом, одновременно отталкивая голову Мэй назад и нажимая на спусковой крючок. Голова фальшивого полицейского резко дергается вместе с выстрелом, а уже в следующее мгновение раздается новый выстрел,

и тело наемника с простреленной головой, сидящего на переднем сиденье, заваливается вперед. Девушка, у которой нервы были и так на пределе, не выдерживает и истошно кричит. Словно в ответ, откуда-то с улицы раздались крики, и было непонятно, касаются они нас или это все еще отголоски трагедии на перекрестке, так как мы совсем недалеко уехали. Мне видно, что водитель нажал на газ, увеличивая скорость, при этом с силой вцепился в баранку руками. Он был готов уже резко повернуть, чтобы попробовать таким образом изменить ситуацию в свою сторону, но не успел. Горячий ствол уткнулся ему в шею, а затем спокойный голос за его спиной негромко сказал:

– Хочешь жить, не дергайся.

От этого холодного спокойствия веяло смертью, и у наемника, имевшего за спиной человеческий труп и тюремный срок в два с половиной года за вооруженный грабеж, по спине пробежали холодные мурашки. Судорожно сглотнув, бандит, сбавив скорость, хрипло сказал:

– Понял.

Я бросил быстрый взгляд по сторонам. Мы уже вырвались из центра и, судя по постройкам, въехали в один из спальных районов города. Увидев телефонную будку, я скомандовал:

– Сверни в этот проулок. Теперь сюда. Сбрось еще скорость и медленно заезжай туда.

Когда наемник заехал в глухой тупик, расположенный между магазином и какой-то редакцией, похвалил:

– Молодец. Тормози. Теперь медленно достань оружие и передай мне.

Забрав пистолет и, не сводя глаз с водителя, я спросил у девушки:

– Мэй, ты как?

Она уже перестала кричать и теперь сидела с напряженным и бледным лицом.

– Тебе плохо?

Она коротко кивнула головой.

– Эй, ты, – я ткнул стволом водителя в шею, – медленно открой дверь со своей стороны и, не вставая на ноги, боком вываливайся из машины. Как упадешь, сразу раскинешь руки и ноги в разные стороны.

Проконтролировав действия бандита, я только успел выйти из машины, как за мной, стрелой, выскочила Мэй и еле успела отбежать в сторону, как ее начало рвать. Найдя наручники, быстро застегнул браслеты на руках бандита, после чего засунул его в багажник. Теперь мне надо было что-то срочно решать. Несмотря на то, что машина стояла в глухом тупике и не видна, если не обращать на нее пристального внимания, но по улице ходит разный народ и мало ли кому в голову придет посмотреть, что делает здесь патрульная машина и стоящий рядом с ней пятнадцатилетний мальчишка. Вариантов было два. Один простой и надежный. Прострелить бандиту голову и уехать с девушкой, поймав такси или на автобусе. Второй был сложный и рискованный, но я решил

выбрать его, именно он давал мне шанс закончить свою работу на китайцев. Только я успел определиться с выбором, как на меня набросилась с криком девушка:

– Ты что наделал, тупой придурок! Это же полицейские! А ты их убил! Нас посадят в тюрьму на много лет! Нам надо бежать отсюда!

– Быстро успокойся. Это не полиция, это бандиты, которые должны были тебя похитить. Ты видела телефонную будку тут недалеко? Мы проехали мимо нее.

– Ты дурак! Мне было плохо! Я ничего не видела! Это какой-то кошмар! – голос ее подрагивал и звенел от пробивающихся в нем истерических ноток.

– Успокойся, пожалуйста. Все плохое уже позади.

Я порылся в кармане и достал мелочь.

– Держи. Телефон-автомат находится на этой стороне улицы. Свернешь за угол и там увидишь. Позвони своим. Скажи, чтобы сюда прислали людей. Да не забудь у прохожих узнать название улицы и района, где мы находимся.

Когда она ушла, я огляделся по сторонам, дождался, когда вблизи не будет прохожих, более компактно уложил трупы, чтобы не были так видны со стороны, после чего перезарядил свой пистолет, а оружие бандита проверил и положил в школьную сумку, свисавшую у меня с плеча. Да, я принял решение рискнуть и остаться, хотя логичнее было пристрелить наемника, а затем найти такси и доехать до безопасного места. Вот только в этом случае все концы опять будут обо-

рваны, а так есть шанс получить нужные сведения от пленного наемника. Время в ожидании я решил занять разборкой сложившейся ситуации. Надо было признать, что план у наемников был дерзкий и смелый до отчаянности. Подстроенная авария, расстрел телохранителей одной группой наемников и вторая группа – ряженые полицейские. Кстати, маскарад, что они устроили, хорошо вписывался в этот план. Как отреагируют до смерти испуганные подростки, увидев полицейских? Естественно, с радостью бросятся им на шею. При этом куча народа будет видеть, что девочка сама села в полицейскую патрульную машину. Были там китайцы? Да никаких китайцев и рядом не было! Закончив анализ, посмотрел на часы. Мэй не было минут пятнадцать, и я уже начал беспокоиться, когда девушка наконец появилась.

– Скоро приедут, – тихо сказала она, а потом неожиданно спросила: – Ты кто?!

– Твой друг, Мэй.

– Тебя, мальчика, наняли меня охранять? – в ее голосе звучало удивление.

– И это тоже, – несколько туманно выразился я.

– Что теперь будет? – при этом она выразительно посмотрела на машину с двумя трупами.

– Не думай об этом.

Не прошло и полчаса, как прибыла помощь. Три машины и девять боевиков во главе с Вэем, средним сыном Ли Вонга. Он выслушал меня, затем внимательно осмотрел машину,

потом его люди вытащили из багажника наемника. Я предложил выжать из пленника информацию прямо сейчас, так как мы могли упустить время. Впрочем, Мэтью Клабер, так звали наемника, не сильно упирался и поставил только одно условие: он согласен указать место, куда они должны были привезти Мэй, если его отпустят живым и здоровым. Это было очень своевременное предложение. Ведь еще никто не знает, что операция провалилась, а причина задержки может быть любой, то есть у китайцев появился шанс расправиться со своими врагами прямо сейчас. Вэй понял все правильно, после чего отобрал семь человек и уехал, а мы с Мэй и пленным в багажнике поехали в свою сторону. Один из китайцев был оставлен, чтобы зачистить следы нашего пребывания в этой машине. Сначала мы отвезли домой девушку, потом шофер отвез меня и пленника к Вонгу. Наемника забрали сразу, а мне предложили пока пообедать. После еды меня провели в гостиную и предложили подождать хозяина здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.